

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ

Рассказы Джеймса Хэрриота
оставляют ощущение чуда.
Их можно перечитывать бесконечно...

Amazon

Собачьи истории

Азбука-бестселлер

Джеймс Хэрриот
Собачьи истории

«Азбука-Аттикус»

1981

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хэрриот Д.

Собачьи истории / Д. Хэрриот — «Азбука-Аттикус»,
1981 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-20990-9

Трогательные и смешные истории о животных английского писателя и самого известного в мире ветеринара Джеймса Хэрриота переведены на десятки языков. Его добродушный юмор и блестящий дар рассказчика вот уже несколько десятилетий покоряют все новых читателей. Некогда Джеймс Хэрриот, с дипломом ветеринара и мечтами исцелять животных, отправился в английскую глубинку. Однако грезы о белоснежном халате и стерильных операционных рухнули в одночасье: работать приходилось в резиновых сапогах, шлепая по грязи и навозу. Но вместе с этим в жизнь Хэрриота вошла и первозданная красота Йоркшира, его величественных холмов и вересковых пустошей. И главная мечта Хэрриота все же осуществилась. Наряду с могучими сельскими животными – лошадьми и коровами, – среди его пациентов оказались, разумеется, и собаки. Самым преданным друзьям и верным спутникам человека посвящается эта книга.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20990-9

© Хэрриот Д., 1981
© Азбука-Аттикус, 1981

Содержание

Вступление	6
Трики-Бу	20
Тристаново бдение	24
Торжество хирургии	28
Выкурите сигару!	31
Материнский инстинкт	34
Дэн – и Хелен	38
Тип	42
Плакатик над кроватью	45
Кланси	50
Миссис Донован	55
Дарроубийская выставка	62
Знаменательные роды	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джеймс Хэрриот Собачьи истории

James Herriot

JAMES HERRIOT'S DOG STORIES

Copyright © The James Herriot Partnership, 1981

All rights reserved

Серия «Азбука-бестселлер»

Перевод с английского Ирины Гуровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Вступление

Я пролистываю страницы этой книги, и у меня возникает ощущение, что круг замкнулся. Мальчишкой я обожал собак и мечтал стать собачьим доктором, а потом всю жизнь лечил коров, лошадей, овец и свиней, но вот теперь, на склоне лет, издаю книгу собачьих историй, и, по-моему, она требует не вступления, а скорее объяснений.

В сущности, все очень просто. Мое детство в Глазго было тесно связано с собаками – и моими, и чужими. Мы жили на западной окраине города, и из моего окна открывался вид на Клайд и Нейлстон-Пад – от холмов Килпатрик и Кэмпси на севере до холмов за Бархедом на юге. Эти зеленые холмы притягивали меня, и, как ни далеко до них было, я отправлялся в пешие прогулки среди них, мимо последних, в беспорядке разбросанных домов до вершин, откуда я мог любоваться морскими заливами и горами Аргайла. Теперь, когда я вспоминаю эти расстояния, они кажутся мне огромными – часто я проходил за день тридцать миль! И со мной всегда был Дон, ирландский сеттер, поджарый красавец с блестящей шерстью. Он разделял мою страсть к сельской природе.

Часто на прогулку со мной отправлялись мои приятели, и нам в эти долгие солнечные дни особенно нравилось смотреть, как резвятся и играют друг с другом наши собаки. И даже в те ранние годы я старался разобраться в их характерах и поведении. Для меня собака никогда не была чем-то само собой разумеющимся. Почему они так преданы людям? Почему они обожают наше общество и, когда мы возвращаемся домой, встречают нас с бурным восторгом? Почему для них высшее удовольствие – быть с нами дома или в любом другом месте? Ведь они, в конце концов, всего лишь животные и, казалось бы, в первую очередь должны искать пищу и безопасность, а они одаряют нас любовью и преданностью, которым нет предела. И еще одно: при таком разнообразии в росте, форме тела и окрасе их всех объединяют несколько важнейших свойств. Почему? Почему?

Я взял мой любимый справочник – Детскую энциклопедию Артура Ми – и ничуть не удивился, узнав, что собаки – любимые друзья человека уже тысячи и тысячи лет. Египтяне лелеяли их, и, вероятно, они были неотъемлемой и существенной частью семейного быта в пещерах каменного века. Еще я запомнил, что происходят они, по-видимому, от волков или от шакалов. Все это было очень интересно, но не вполне объясняло, в чем же заключается их магия, и я продолжал ей удивляться. За всем этим таилось смутное желание всегда быть с собаками, всю жизнь посвятить им, но я не представлял себе, как подобная мечта может осуществиться.

Только когда я увидел статью в журнале для подростков «Меканоу мэгэзин», мечта начала обретать практическую основу.

ВЕТЕРИНАРИЯ КАК ПРОФЕССИЯ! Я стану ветеринарным врачом и буду все время с собаками – осматривать их, лечить, спасать от смерти. У меня голова пошла кругом.

Я все еще пытался освоиться с этой ошеломляющей идеей, когда в нашу школу побеседовать с нами приехал старый доктор Уайтхаус, глава Ветеринарного колледжа в Глазго. Как, наверное, обидно сотням и сотням молодых людей, тщетно пытающихся поступить в ветеринарные колледжи, узнать, что в мое время эти учебные заведения всячески заманивали потенциальных студентов и студенток. Причина была простой. В тридцатых годах страна задыхалась в тисках небывалой экономической депрессии, многие люди не могли позволить себе заводить в доме собак или кошек, и – что, пожалуй, важнее всего – рабочие лошади, основа основ и слава ветеринарной профессии, стремительно исчезали с полей и улиц. Ветеринары никому были не нужны.

Доктор Уайтхаус, однако, не желал признать, будто ветеринария находится при последнем издыхании. Он сказал нам, что, избрав эту профессию, богатыми мы не станем, но зато наша жизнь будет полна удивительного разнообразия и принесет особое удовлетворение.

И я попался. Мне стало совершенно ясно, как я хочу распорядиться своей жизнью, но препятствия на пути к цели выглядели огромными: ветеринария требовала знания точных наук, а в них я был очень и очень слаб. В школе мне особенно хорошо давались родной и иностранные языки, и я уже отделился от группы учеников, избравших такие предметы, как физика и химия. Мне почти исполнилось четырнадцать, и через каких-нибудь полтора года я буду сдавать выпускные экзамены. Менять что-либо было уже поздно.

Как поступить? Я отправился в Ветеринарный колледж поговорить с доктором Уайтхаусом. Это был удивительный человек – сильный, доброжелательный, с мягким чувством юмора. Он терпеливо выслушал сбивчивый рассказ о моих проблемах.

– Я люблю собак, – сказал я ему. – И хочу работать с ними. Хочу стать ветеринаром. Но в школе я занимаюсь родным языком, французским и латынью. Ни одной научной дисциплины. Смогу ли я поступить в колледж?

– Ну конечно! – Доктор Уайтхаус улыбнулся. – Тебе нужно сдать четыре экзамена, чтобы получить право на зачисление в наш колледж. А какие именно предметы – значения не имеет. Физикой, химией и биологией ты сможешь заняться на первом курсе.

Опять-таки современным студентам это покажется невероятным, но мне словно бросили спасательный круг.

– Я почти уверен, что сдам!

– Вот и хорошо, – сказал он. – Значит, тебе не о чем беспокоиться.

Я замялся.

– Вот с математикой мне придется помучиться. Ну никак она у меня не идет! А ветеринару математика очень нужна?

Улыбка доктора Уайтхауса стала заметно шире.

– Только чтобы подсчитывать дневную выручку, – ответил он.

Вот так. Теперь мне было ясно и чего я хочу, и как этого добиться. Последние два года я занимался очень упорно и сейчас посмеиваюсь, вспоминая, сколько часов я потратил, постигая эти, словно бы бесполезные, предметы. Особенно латынь. Латынь мне нравилась, и я с наслаждением просиживал вечера над Вергилием, Овидием и Цицероном. Под конец, мне кажется, я мог бы лихо побеседовать с каким-нибудь древним римлянином, но ехидный внутренний голос спрашивал: а зачем все это студенту ветеринарного колледжа? «Но это поможет тебе разбираться в медицинской терминологии!» – ободряли меня доброжелательные люди.

Да, правда, но занятия биологией были бы мне куда полезней!

Как я и надеялся, четыре экзамена я сдал – три с отличием, а математику кое-как. И то удивительно – такой я был тупица во всем, что касалось математики. Но тогда говорили: сдай латынь с отличием и тебе как-нибудь натянут проходной балл. Возможно, так со мной и было. Меня это мало смущало. Главное – я поставил ногу на первую ступеньку лестницы. Меня зачислили в Ветеринарный колледж Глазго. И я буду, буду лечить собак!

Я точно знал, каким собачьим доктором стану. Все лето перед началом занятий в колледже я предавался грезам и четко видел, как стою в белоснежном халате и хирургической маске посреди сверкающей чистотой и никелем операционной. Меня окружают хирургические сестры, а на столе лежит собака, которой я возвращаю жизнь, блистательно орудуя скальпелем. Или в том же белом халате я в сияющей чистоте приемной одну за другой исцеляю собак – больших и маленьких, виляющих хвостом или уныло его поджимающих, но всех без исключения милейших симпатяг, которым только я могу вернуть жизнь и здоровье. Райское будущее!

Однако в первые же дни осеннего триместра я обнаружил, что власти предрержащие отнюдь не намерены поддерживать меня в моих чаяниях. У них были иные планы – сделать из меня лошадиного доктора!

Программа обучения будущих ветеринаров оставалась прежней вопреки кардинальным переменам вокруг, и все, чем мы занимались, было так или иначе связано с лошадьми. Иерархический порядок вырабатывался веками – лошадь, корова, овца, свинья, собака. Словно навязчивая строчка модной песенки, она звучала вновь и вновь во всех учебниках, которые мы штудировали, и проникала нам в мозг и кровь. Огромный том Анатомии домашних животных Сиссона содержал исчерпывающее описание костей, мышц, пищеварительной системы и т. д. лошади, впятеро меньше места занимал раздел, посвященный корове, еще меньше – овце, совсем мало – свинье, а бедной собаке его и вовсе почти не досталось.

То же самое и в важнейших вопросах ухода за животными. Перелистывая пожелтевшие страницы моего учебника почти полувековой давности, я вновь убеждаюсь, что он почти весь посвящен подковыванию лошадей, устройству конюшни, чистке, подрезанию копыт, сбруе, седлам, но главное – подковыванию. Мы были обязаны уметь подковать лошадь, точно знать, как снять старую подкову и как прибить новую. Мы проводили часы в едком дыме кузниц. И мы должны были уметь запрячь лошадь без единой ошибки – хомут, его крючья, сбруя: черес-седельник и седёлка, узда и вожжи, и, конечно, подпруга.

Все это явилось для меня сюрпризом. Но даже еще более неожиданным было отношение к занятиям и усидчивости. В хиллхедской школе я привык к строгости и требовательности. Учителя относились к своим обязанностям серьезно и ставили перед учениками трудные задачи. Они заставляли нас овладевать знаниями, и нерадивость тут же каралась несколькими ударами кожаного ремешка. Теперь же я очутился в мире, где, казалось, никому не было дела, учусь я чему-нибудь или нет.

В наши дни ветеринарный факультет Университета Глазго по праву считается одним из лучших в мире – новейшее оборудование, блестящий преподавательский состав. Ветеринарный колледж полвека назад был совсем другим.

Он помещался в длинном обветшалом здании, которое, как мне говорили, в дни конки было конюшней. Судя по его виду, такая версия более чем вероятна. Для большей солидности его выкрасили в тошнотворно-желтый цвет, но это делу не помогло.

В конце двадцатых годов правительство ввиду сокращения потребности в ветеринарах решило закрыть колледж в Глазго и лишило его дотации. Однако попечительский совет сложился в попытке сохранить колледж, и, когда я поступил в него, они все еще умудрялись держаться на плаву, экономя на чем только можно.

Преподаватели наши, за редким исключением, были старые, удалившиеся от дел практики. Некоторые достигли весьма преклонного возраста, оглохли, полуослепли и мало интересовались тем, что делали. Преподаватель ботаники и зоологии попросту читал нам вслух учебник. Порой он пролистывал страницу, но ничего не замечал, пока мы не начинали вопить. Тогда он смотрел на нас поверх очков, снисходительно улыбался и без малейшего смущения возвращался к пропущенной странице. Мы его очень любили и после лекции, едва он заключал ее неизменной шуточкой, обязательно устраивали ему овацию.

– Ну-с, джентльмены, – говорил он, забывая, что среди нас есть и девушка, – мои золотые часы показывают, что наше время истекло, – и благосклонно принимал наши рукоплескания.

Студенты тогда тоже были иными. Много сыновей фермеров с севера и даже с Гебридских островов. Мне очень нравились эти шотландские юноши: вежливые, добросовестные, одетые в мохнатый твид и говорившие между собой по-гэльски. Остальные были городскими ребятами вроде меня со всех концов Британии.

Особенное же потрясение я испытал, когда оказалось, что некоторые учатся в колледже уже очень долго и без малейшего успеха.

Один, по фамилии Макалун, пробыл там одиннадцать лет и добрался только до второго курса. Он тогда был рекордсменом, а еще несколько человек перевалили за десять лет. Объяснения искать не приходилось. Колледж отчаянно нуждался в средствах. Стипендий студентам не платили, за проваленные экзамены не исключали, и до тех пор, пока родители таких ветеранов продолжали платить за них, они оставались ценными членами этого мирка. Однако особенно большим уважением пользовался студент с одиннадцатилетним стажем, и когда он в конце концов ушел из колледжа, чтобы поступить в полицию, все были очень огорчены. Старый доктор Уайтхаус, читавший тогда анатомию, заметно расстроился.

– Мистер Макалун, – сказал он, кладя на стол лошадиный череп и махнув указкой в сторону пустого места, – сидел на этом табурете одиннадцать лет. Без него нам будет очень непривычно!

Вечные студенты образовывали тесный счастливый кружок и значительную часть дня играли в покер на крышке рояля в комнате отдыха. Кстати, среди них не было ни одного с шотландского севера или гор. Эти последние посещали все лекции, снимали комнатухи в трущобах Глазго, питались овсянкой и селедкой, а в конце года получали медали.

Поскольку наше образование сосредоточивалось главным образом на лошадях, нас приобщали к тонкостям обращения с ними, в частности к принципам верховой езды. Раз в неделю наш класс отправлялся в Мотеруэлл, где мы скакали по лугу на всевозможных клячах, устремлялись в кавалерийскую атаку по узким переулкам между сталелитейными заводами и мешали уличному движению. Мало кто из нас до колледжа хоть раз сидел в седле, но никакой предварительной подготовки не полагалось, а потому мы постоянно грохались на землю и, если ударялись о нее непокрытой головой, нередко получали сотрясение мозга. Сам я на несколько дней лишился памяти, и мои родители опасались, как бы я не забыл все, чему успел научиться.

В анатомической лаборатории вскрывали мы, конечно, почти только лошадей, и тот же принцип главенствовал в изучении «Материи медика» – дисциплины поистине необъятной и сложной, охватывающей действие и применение всех лекарственных препаратов, употребляемых для лечения животных. Теперь предмет этот называется фармакологией и рассматривает главным образом антибиотики, сульфаты и стероиды. Но в моих учебниках тридцатых годов о них не было ни слова. Ведь их еще не открыли. Вместо них, осторожно листая страницы и извлекая на свет цветы, засушенные моей дочуркой тридцать лет назад, я вижу почти бесконечный список медикаментов, полностью вышедших из употребления. «Щелочи», «Металлы», «Неметаллические элементы», «Кислоты», «Углерод и его производные», «Растительное царство», и под каждым заголовком – устрашающее перечисление лекарств с их латинскими названиями и описанием воздействия на лошадь, затем на рогатый скот, потом на овцу, свинью и в заключение – на собаку.

Врачам, лечащим людей, требовалось заучить только одну дозировку, а ветеринару – пять. И в том же иерархическом порядке, запечатленном в моем древнем учебнике. Все та же гнетущая литания: лошадь, корова, овца, свинья, собака.

Но в общей атмосфере колледжа ничего гнетущего не было. Только беззаботная непринужденность. Казалось, никого не интересуют, посещаем мы лекции или нет. Это практически предоставлялось на наше усмотрение. И многие предпочитали дуться в карты на рояле, а если все-таки шли на лекцию, то продолжали игру там. По временам звяканье монет в заднем ряду заглушало монотонное бормотание преподавателя.

Боюсь, мы сильно допекали бедных стариков – кричали, хохотали, швырялись разными предметами, подстраивали друг другу всякие пакости. Старичок, читавший нам гистологию, был глух как пень, но, видимо, нисколько об этом не жалел, безмятежно бормоча лекцию посреди содома и гоморры.

Мне все это казалось изумительным, особенно после моих суровых школьных дней, и очень скоро я радостно усвоил новые привычки. Старожилы у рояля охотно принимали в свой

круг новичков, я быстро присоединился к ним и не замедлил открыть, что покер – увлекательнейшее времяпрепровождение. Беда была лишь в том, что я постоянно проигрывал. И хуже того – влез в долги. Завороженный игрой, я, когда спустил деньги, выдававшиеся мне на обед и проезд, начал играть на слово и вскоре обнаружил, что задолжал всем по несколько шиллингов, а платить нечем.

Замученный угрызениями совести, я взвесил свое положение. В шестнадцать лет я еще хорошо помнил назидательные повести моего детства – «Эрик, или Мало-помалу», «Приключения золотых часов». В них рассказывалось о страшной судьбе мальчика, который падал все ниже и ниже, играя в карты на деньги и предаваясь другим порокам. И все это относилось непосредственно ко мне: не я ли плачу черной неблагодарностью моим труженикам-родителям, попусту растрачивая юность у рояля?! Я отказался от карт и ввел для себя режим строжайшей экономии. Часть дороги до колледжа проходил пешком, сберегая плату за проезд на автобусе и трамвае, а обедал неудобоваримым куском теста, который в нашем буфете именовался яблочным пирогом и успешно отбивал у меня аппетит до самого вечера. В конце концов я сумел расплатиться с моими кредиторами, которые, когда я раздавал причитающиеся с меня шиллинги, словно бы удивлялись и почему-то посмеивались. Их чувства наиболее афористично выразил, пожалуй, дюжий уроженец Глазго, опуская в карман причитавшиеся ему монеты.

– Карточные долги платишь! – сказал он сквозь смех. – Ну, ты плохо кончишь!

В карточной игре я больше никогда участия не принимал, но остался усердным зрителем. Эти добродушные бездельники, ветераны тысячи проваленных экзаменов, внушали мне теплую привязанность, и я вспоминаю их с нежностью, потому что теперь таких уже не найти. И мне становилось грустно, что с каждым годом в колледже ряды их редеют. Несколько стали коммивояжерами, торгующими последней технической новинкой – пылесосами, и я часто спрашивал себя, как устроилась их жизнь.

Как я уже говорил, преподавание в старом колледже часто походило на анекдот, да и вся учебная программа была, по сути, средневековой, однако имелись и свои светлые стороны. Мы проходили большую практику. Собственной клиники у колледжа не было, а потому мы наблюдали работу ветеринара в обычных условиях. Попросту говоря, весь последний год у нас была только одна утренняя лекция, а все остальное время мы проводили с кем-нибудь из местных ветеринаров. И вот в этом реальном мире было очень мало лошадей и очень много собак.

Мне повезло. Я был практикантом у Доналда Кэмпбелла в Ратерглене – прекрасного человека и выдающегося ветеринара; однако при моем интересе к собакам главной моей удачей явилась возможность поработать в приемной великого Уайперса в самом сердце города. Билл Уайперс (теперь сэр Уайперс), впоследствии декан нового ветеринарного факультета Университета Глазго, на много лет опережал свое время. Он начал лечить только мелких животных и поднял свою практику на уровень в то время неслыханный. Человек блестящих способностей, большого личного обаяния, наделенный неумеренной энергией, он вызывал у своих студентов буквально поклонение. Ну а я был совершенно очарован. Весь день только собаки и кошки! А когда я увидел великолепную операционную, первоклассные хирургические методики, рентгеновский аппарат и лабораторию, где производились анализы крови, бактериологические и разные другие, у меня осталась только одна мысль: когда-нибудь и у меня будет то же!

Такое накопление практического опыта имело огромное значение, но в те старые дни было еще одно преимущество перед нынешними: закон тогда не запрещал студентам ветеринарных колледжей работать самостоятельно. Некоторые из нас помогали местным ветеринарам по субботам и воскресеньям, и в возрасте девятнадцати лет я даже замещал ветеринара в течение двух недель. Он уехал отдыхать, а свою практику поручил мне, желторотому студенту. Длились эти две недели целую вечность, но принесли мне большую пользу.

Было удивительно приятно применять свои знания на практике: ведь в колледже мы тоже кое-чему научились. Например, по-настоящему постигли патологию. Об этом позаботился грозный профессор Эмзли. Он был не дряхлым практиком, а динамичным ученым в расцвете лет, обожал свой предмет и умел наводить благоговейный страх. Дюжего сложения, с густыми черными бровями и пронзительными глазами, он умирал любого из нас одним взглядом. Разнузданные молодчики, бушевавшие на лекциях бедных старичков, в присутствии Эмзли становились пугливыми мышками. И он обучил нас патологии. Жгучими насмешками, жуткими вспышками гнева он вбил ее в наши головы.

Я дрожал перед ним, как и все остальные, но остался навеки ему благодарен, потому что патология лежит в основе любого лечения животных: и в те первые дни, когда я осматривал животных с пневмонией, почечными или сердечными явлениями и старался понять, что за ними кроется, она словно снимала повязку с моих глаз.

Когда я получил диплом и вышел из дверей колледжа в последний раз, меня охватило чувство огромной потери, ощущение, что навсегда ушло в прошлое что-то очень хорошее. В этом ветхом, старом здании я провел несколько счастливых лет, и хотя то, чему меня там учили, во многом устарело уже тогда и в моих знаниях было много пробелов, время, проведенное там, было таким беззаботным и радостным, что оно живет в моей памяти, овеянное золотой дымкой.

Когда много лет спустя я провожал моего сына Джимми в Йорк, где ему предстояло начать новую жизнь студента-ветеринара, я сказал ему в дверях вагона:

– Повеселись хорошенько!

Я знаю, он сполна последовал моему совету, но все-таки получить от этих лет больше радости, чем получил я, наверное, не дано никому.

С дипломом в кармане я вышел теперь в широкий мир, но скоро убедился, что мир этот очень холоден и суров. Все годы занятий я словно бы носил шоры и по-прежнему верил в свою мальчишескую мечту. Мысленно я все еще был облачен в белоснежный халат или, окруженный хирургическими сестрами, склонялся над ярко освещенным операционным столом. И я не видел никаких помех для моих честолюбивых устремлений. Для начала найду место помощника ветеринара, работающего с мелкими животными, наберусь опыта, накоплю денег и стану партнером, а то и вывешу дощечку с моей фамилией где-нибудь в Глазго. Будущее мне улыбалось – мир кишел собаками, ждущими только меня.

Но теперь я столкнулся с безжалостной реальностью. Экономическая депрессия тридцатых годов все еще тяготела над нашей профессией, как черный туман, и найти хоть какое-нибудь место представлялось почти невозможным. На каждую вакансию, о которой сообщалось в «Ветеринари рекорд», находилось восемьдесят желающих, а те немногие, кому повезло, получали нищенское жалованье. Квалифицированные ветеринары работали за тридцать шиллингов в неделю, кров и стол; в колонке «Ищу работу» нередко, нагоняя ужас, значилось: «Согласен работать только за содержание». Вновь и вновь там мелькала эта фраза – вопль тех, кто, подобно мне, был готов на все, лишь бы не сидеть на шее у родителей.

Мои коллеги устраивались продавцами в магазины или на верфи, и я уже совсем отчаялся, когда наконец получил приглашение приехать в городок среди йоркширских холмов для личного знакомства. Место осталось за мной, и я не мог поверить в свою удачу. Это было спасение! Но в мою радость вторгалась грустная мыслишка: практика была сельская и работать мне предстояло с лошадьми, коровами, овцами и свиньями. А как же моя мечта?

Но у меня не было времени на подобные размышления, и видение юного ветеринара в белоснежном халате в стерильной приемной скоро исчезло в небытие. Я работал в резиновых сапогах, голый по пояс, шлепал по грязи и навозу, справлялся с могучими животными. Мне отдавливали ноги, меня брыкали, лягали, швыряли наземь. Городской мальчишка, внезапно перенесенный в глухой сельский уголок со своими нравами и обычаями, я был неуме-

лым пловцом, отчаянно барахтавшимся, чтобы не утонуть. Я все время сознавал, что я чужак и должен завоевать уважение фермеров, которые всю жизнь проводили на скотном дворе и нередко относились весьма кисло к тому, что они называли «книжностью». Дел у меня было сверх головы.

Однако в этой круговерти таилось свое очарование. Я все время работал под открытым небом, дышал чистейшим воздухом, а окружала меня природа, тем более покоряющая, что ничего подобного я не ожидал. Меня удивляло, что прежде я даже не слышал про Йоркшир. Величавые зеленые холмы, вздымающиеся высоко в небо над журчащими по гальке речушками, и серые деревушки, воздушные просторы пустошей и катящиеся по ним волны лилового вереска. Я ненароком очутился в волшебном краю, видимо никем еще не открытом, – ведь часто я бывал совсем один среди этих диких холмов. Они дарили волнующее ощущение безлюдья, близости к первозданной природе, и я понял, что судьба, сделав из меня сельского ветеринара вместо собачьего доктора, компенсировала это самым чудесным образом.

С каждым месяцем это чувство все больше переходило в глубокое убеждение: я создан для такой жизни и никогда не вернусь в большой город.

Жаль, конечно, что моя мечта не осуществится, – я так долго ее лелеял! Я постарался забыть о ней, но потом мало-помалу осознал, что и здесь вокруг меня собак предостаточно, – очаровательнейший их мирок среди деревушек, разбросанных по холмам. Люди и здесь любят своих четвероногих друзей не меньше, чем в городе. Конечно, пациентов для меня среди них будет меньше, но вполне достаточно для приятных передышек в работе с крупными животными. И, к моему удивлению, я обнаружил, что мои услуги в этой области нужны, что их ищут. Причина главным образом заключалась в том, что суровые сельские ветеринары той поры, специализировавшиеся на лошадях и коровах, считали ниже своего достоинства снисходить до собак и кошек. Помню, как один такой зубр, когда я начал рассказывать об интересной операции, спасшей собаку, презрительно посмотрев на меня, буркнул:

– Такая мелочь не для ветеринара!

Но для меня собаки мелочью не были. Наоборот. К тому же оказалось, что мой патрон (а потом мой партнер) был убежденным лошадиником и все вызовы к лошадям забирал себе, оставляя собак и кошек на мое усмотрение. И в результате через год-два у меня образовалась собственная практика – работа с мелкими животными, и клиенты приезжали в наш городок издалека, ища помощи ветеринара, который не отказывался лечить их любимцев.

Эта часть моих обязанностей радовала, словно яркая нитка в суровой холстине будничной жизни. Работа с крупными животными нелегка и сейчас, но полвека назад она была гораздо тяжелее, когда в нашем распоряжении не было ни современных препаратов, ни металлических станков, ни транквилизаторов. Я был молод, полон сил и не без удовольствия справлялся со всякими трудностями, но тем не менее каким блаженством было оставить на время грязь, холод, могучих бунтующих животных и в уютной гостиной заняться осмотром и лечением милого, ласкового, а главное – такого маленького создания!

Нет, это не походило на мечту моего детства – ни белоснежного халата, ни хирургических сестер. Вместо этого в моей памяти всплывает желтый лабрадор со сломанной лапой, которого я анестезирую на полу деревенской почты, щенки, которых я принимаю в темном углу хлева, всевозможные операции на кухонных столах и гладильных досках в одиноких домишках среди пустошей. Поскольку девяносто девять процентов моего рабочего времени занимали поездки по вызовам на фермы, я не мог выделить определенные часы для приема, а потому пациентов ко мне приводили в расчете застать меня дома – то есть в обеденное время или рано утром. И моей жене часто приходилось оставлять свою стряпню, чтобы держать сопротивляющуюся собаку или кошку.

Да, реальность мало походила на мальчишеские грезы, однако у нее перед ними было одно несравненное преимущество: эта сторона моей практики никогда не достигала таких раз-

меров, чтобы стать обезличенной. В городе через приемную проходит нескончаемый поток собак, и ветеринар физически не в состоянии воспринимать их индивидуально. Со мной же такого не бывало никогда. Пусть мои пациенты обитали далеко друг от друга, я знал кличку каждого, помнил все их заболевания и, проезжая по деревенской улице, всегда с радостью узнавал их, лишний раз убеждаясь, что они совсем здоровы.

С течением времени в нашей практике, как и вообще в сельской практике, наступили изменения. Теперь люди держат гораздо больше собак, кошек и других домашних любимцев, и пятьдесят процентов наших пациентов составляют мелкие животные. Мы обзавелись операционной, рентгеновским аппаратом и приемными, о которых я мечтал мальчишкой. Ну и разумеется, в моем распоряжении имеются все новейшие препараты. Для меня, как и для всех ветеринаров, особенно приятно чувствовать, насколько больше у нас теперь возможностей спасти больное животное.

Я знаю, что не ошибся в выборе профессии, потому что одно появление у нас в приемной собак и кошек приводит меня в хорошее настроение. Помимо чисто медицинских аспектов для любителя животных всегда удовольствие – просто наблюдать индивидуальные характеры четвероногих друзей человека. А всякий ветеринар уже любитель животных, иначе он не пошел бы в ветеринары. Бытует мнение, будто пациенты вызывают у нас чисто клинический интерес, но это не так. Наша профессия требует сердца.

О чем и свидетельствует наше отношение к собственным четвероногим друзьям: я нередко замечал в самых, казалось бы, крутых моих коллегах просто безграничную нежность. И я со своими собаками сентиментальнее, чем самая мягкосердечная старушка, и, надо сказать, эта черта облегчала мне разговоры с клиентами. Ведь многие люди стесняются показать ветеринару, как им дорога их собака, как они за нее тревожатся, как горюют, когда слишком короткий собачий век подходит к концу. Но со мной им не надо смущаться. Как поется в старой песне: «Мне ничего не говорите, я знаю сам».

Оглядываясь назад, я понимаю, насколько судьба меня щадила. Тот, кто приобретает собаку, не должен забывать, что живет она недолго и впереди ждет неизбежное горе, а мне профессионально довелось видеть множество маленьких трагедий, когда и без того короткую жизнь жестоко обрывает болезнь или несчастный случай. Но все мои собаки умирали в глубокой старости, и, хотя разлука, пожалуй, была тем тяжелее, меня все-таки утешает мысль, что мне удавалось помочь им прожить так долго.

Я часто вспоминаю их всех, их такие разные характеры, счастье, которое они мне доставляли.

Ирландский сеттер, красавец, с которым я подростком бродил по шотландским холмам; белая дворняжка, чьи разнообразные предки не поддавались установлению, отличавшаяся редкой смышленостью и непредсказуемостью; мой любимый бигль, чьи большие добрые глаза все еще словно смотрят на меня с праздничных открыток. А потом настал черед Гектора и Дэна.

Книгу «И ветеринары летают» я посвятил «моим собакам Гектору и Дэну, моим верным спутникам». Да они и были такими. Их жизнь была моей. Каждое утро после завтрака они мчались на улицу и прыгали в машину, готовые приступить к дневным трудам. Гектор был джек-рассел-терьером, а Дэн – черным лабрадором, и вместе они являли интересный контраст бойкости и достоинства.

Гектор был старше на два года. Когда умер мой бигль, я последовал совету, который много раз давал своим клиентам: немедленно завести новую собаку. Сутки я безрезультатно наводил справки, а затем обнаружил в вечерней газете объявление о продаже щенков джек-рассела. По странному стечению обстоятельств я за несколько дней перед тем разговаривал с одним моим другом, и он посоветовал мне никогда не заводить джек-рассела. «Чертовы кусаки! – сказал он. – Оттяпают у тебя палец, и оглянуться не успеешь!» Мне и самому при-

ходилось иметь в приемной дело с весьма самостоятельными представителями этой породы, и я пришел к выводу, что с дарроубийскими джек-расселами ухо надо держать востро.

Тем не менее я поехал на ферму по объявлению и попросил показать мне щенков. Пятеро семинедельных собачат окружали мать. Четверо поглядели на меня с полным равнодушием, но пятый подбежал, виляя обрубленным хвостишком, и бурно облизал мне руку.

– Я возьму этого, – сказал я.

Так началась наша пятнадцатилетняя дружба с Гектором.

Он оказался добрейшим существом, собакой, которая любила всех людей и всех других собак. И все влюблялись в него с первого взгляда, а он был открыт взглядам практически всех обитателей Дарроуби и окрестностей, потому что в те дни я ездил в машине с открытым верхом. Когда я приезжал на ферму, ребяташки неслись погладить ласкового песика, выглядывающего из автомобиля. А их родители поражались такому чуду, как дружелюбный джек-рассел-терьер. Вновь и вновь я слышал:

– Какой молодец! А нельзя его повязать с моей сукой?

С каждым годом слава Гектора как производителя росла, и он стал отцом множества веселых ласковых щенят. А эти щенята со временем тоже обзаводились потомством, неизменно наследовавшим натуру Гектора. Круг все ширился, и не будет преувеличением сказать, что Гектор единолично изменил характер джек-расселов во всем краю.

Даже теперь, много лет спустя после его смерти, у меня сердце радуется, когда в нашу приемную входят точные подобию Гектора. У него были необычно длинная заостренная морда, поджарое туловище и классические кривые лапы; и порой потомки его потомков с такой ясностью воскрешают в моей памяти наши с ним счастливые годы, что на минуту меня охватывает грусть.

Дэна ко мне привел случай. Когда мой сын Джимми получил диплом ветеринара, он к тому же получил много разных подарков от близких и друзей. Один мой коллега преподнес ему пять фунтов, и на эти деньги он купил щенка черного лабрадора, которого нарек Дэном. Свою карьеру Джимми начал помощником знаменитого Эдди Стрейтона, ветеринара, ведущего телепередачи, и Дэн днем и ночью сопровождал его на вызовы.

Когда Джимми начал работать с нами, он привез Дэна, и у нас в доме появились две собаки. Между ними сразу же возникла дружба: Гектор запрыгал вокруг, нежно покусывая лапы большого пса, а Дэн с удовольствием позволял ему это.

Дэн был удивительно красив: благородная голова, безмятежное выражение глаз и блестящая черная шерсть, какую редко увидишь. Джимми утверждал, что особым блеском она обязана огромному количеству молока, которое Дэн выпивал у Стрейтона: в клинике Эдди было много кошек и Дэн бесцеремонно вылакивал содержимое их мисочек. Мне страшно нравилось смотреть, как он бежит за брошенной палкой, на игру его мышц под блестящей шерстью. Для него же это было наивысшим удовольствием, и теперь я вспоминаю его именно таким.

Когда Джимми женился и переехал от нас, Дэна он оставил мне, зная, как я к нему привязался. Он пожалел и меня, и Гектора. А я утешался мыслью, что его новый дом всего в миле от нас, что он по-прежнему работает со мной и, значит, будет видаться с Дэном каждый день. Джимми купил себе суку ланкаширского хилера, а после вязки оставил одного щенка, так что в поездках его сопровождали Софи и Хлоя.

Для меня же настала эра, которую я мысленно называю временем Гектора и Дэна. Для деревенского ветеринара, жизнь которого в значительной мере проходит на шоссе и проселках, очень нужны такие спутники. Устраивались они в машине всегда одинаково. Дэн вытягивался на сиденье и клал голову мне на колено, а Гектор выглядывал в ветровое стекло, упиравшись лапами в мою руку на рычаге переключения скоростей. Дэна совершенно не интересовало, что происходит снаружи, Гектор же старался ничего не упустить. Когда я переключал скорость, голова у него подпрыгивала, но лапы с моей руки не соскальзывали.

Мою жизнь украшала возможность иногда делать перерывы между визитами, а поскольку край этот словно создан для прогулок с собаками, перерывы эти обретали особое значение. Как я сочувствую владельцам собак, живущим в больших городах! Сколько трудностей и помех приходится им преодолевать! А я гулял по зеленым тропкам на вершинах холмов и среди вереска. Их было неисчислимое множество – таких мягких под ногами и лапами, свободных от людей, машин и шума, уединенных, дышащих покоем.

Всякий раз, когда я мог остановить машину и выйти в безмятежный мир, это было неожиданной радостью. Несколько секунд – и я погружался в красоту Йоркшира, в море солнечного света и хрустального воздуха, а два моих спутника радостно бежали впереди. «Счастливые собаки, – думал я. – И какой счастливец я!»

Во время таких прогулок Дэну обязательно требовалось нести палку. Без палки в пасти он чувствовал себя неуютно, а так как гуляли мы обычно на вершинах безлесых холмов, где отыскать что-нибудь подходящее было нелегко, он безутешно рыскал вокруг. Иногда я отламывал для него крепкий стебель вереска, но такую замену он принимал без особой охоты. Ему требовалась не просто ветка, но обязательно палка, причем большая, и очень скоро я уже возил в багажнике порядочный их запас.

Как-то фермер, заглядывавший через мое плечо, пока я выуживал из багажника резиновые сапоги и шприц, с недоумением уставился на крепкие сучья, примостившиеся среди флаконов и бутылей.

– Какого черта вы с собой дрова возите? – спросил он.

Гектора палки сами по себе не слишком интересовали, однако он обожал вцепляться в палку Дэна и вырывать ее. Начиналось настоящее перетягивание каната, и меня очень забавляло различие в поведении собак. Гектор входил в настоящий раж – буквально повисал на палке со всем упорством терьера и яростно рычал, когда его мотало из стороны в сторону. Ничего другого для него в такие минуты не существовало, но для Дэна это была просто игра, приятное развлечение, и, крепко держа палку, он то и дело поглядывал на меня, словно спрашивал: «Ловко это я, а?»

Таскал он палку по многу миль, и первым симптомом наступающего одряхления стали случаи, когда он возвращался с прогулок без палки. Я понял тогда, что с ним что-то очень неладно. И еще: старея, он перестал требовать большие палки, предпочитая теперь все более легкие.

На суперобложке моей книги «Йоркшир Джеймса Хэрриота» есть фотография – Дэн смотрит на меня. Тогда он был уже стар и прошел год после смерти Гектора. Взгляд его устремлен на что-то у меня в руке. На маленькую ветку...

То же ощущение замкнувшегося круга возникает у меня, когда я смотрю на Боди, мою нынешнюю собаку. Это бордер-терьер, а я собирался завести бордер-терьера со времени своего приезда в Йоркшир, почти пятьдесят лет назад.

У Зигфрида был тогда партнер в Либерне – Фрэнк Бингем. Я ездил к нему несколько раз в неделю помогать с проверкой коров на туберкулез. И стоило мне войти в дом, как Тоби, маленький бордер-терьер Фрэнка, подбегал ко мне, валился на спину и поглядывал в ожидании, чтобы я почесал ему живот. Мне всегда нравились маленькие собаки, которые вот так ложатся на спину – по-моему, это вернейший признак ласкового характера, – и я просто влюбился в Тоби. Не говоря уже о том, что его мохнатая мордочка, увенчанная маленькими черными ушками, была удивительно симпатичной.

– Когда-нибудь я заведу себе бордера, – говорил я Фрэнку.

Говорил я это еще очень многим, и в первую очередь себе. И так из года в год. Но когда я терял какую-нибудь из своих собак, щенков этой породы нигде не оказывалось. Когда я потерял Гектора и через год Дэна, меня, вероятно, это оглушило, так как я не последовал своей же рекомендации и не взял сразу новую собаку. Может быть, у меня было ощущение, что этих

двоих мне никто не заменит. Они, такие непохожие, составляли чудеснейшую пару и более чем удовлетворяли мою потребность в четвероногих друзьях. К тому же мне тогда было уже сильно за шестьдесят, я труднее переносил утрату и был совсем не уверен, что смогу привязаться к другой собаке, как был привязан к ним.

Несколько месяцев я словно пребывал в пустоте – единственное время на моей памяти, когда у меня не было собаки, – и мои прогулки утратили бы всякую прелесть, если бы моя дочь Рози, жившая рядом с нами, не обзавелась чудесным щенком желтого лабрадора. Она назвала маленькую сучку Полли, и, к большой моей радости, у меня появилась спутница для прогулок. Но в машине, когда я отправлялся по вызовам, одиночество было таким тоскливым!

Как-то в воскресенье во время обеда прибежала Рози и воскликнула еще с порога:

– В «Дарлингтон энд Стоктон таймс» объявление о щенках бордер-терьера. Миссис Мейсон в Бидейле.

Меня как громом поразило: я готов был тут же помчаться в Бидейл, но, к моему большому изумлению, жена сказала:

– Этим щенкам – (она заглянула в газету) – восемь недель, и, значит, они родились где-то под Рождество. А ты ведь говорил, что раз уж мы прождали столько времени, то лучше дожждаться весенних щенят.

– Да, конечно, – ответил я. – Но, Хелен, это же бордеры! Другого такого шанса нам может долго не представиться!

Она пожала плечами:

– Не сомневаюсь, если мы только будем терпеливы, то найдем щенка в наиболее подходящее время!

– Но... но... – Я обнаружил, что обращаюсь к спине Хелен, нагнувшейся над кастрюлей с картошкой.

– Через десять минут все будет готово, – сказала жена. – А пока вы с Рози можете немного погулять с Полли.

Когда мы вышли в переулок за домом, Рози повернулась ко мне:

– Ничего не понимаю! Мама же не меньше тебя хочет завести новую собаку, а тут ведь бордеры – то, чего вы ждали. Это же такая редкость! По-моему, очень жаль упустить их.

– Не упустим, – возразил я.

– То есть как? Ты же слышал, что она сказала!

Я снисходительно улыбнулся:

– Сколько раз твоя мать говорила, что насквозь меня видит и может заранее предсказать, что я сделаю?

– Да, но...

– Только она забывает, что и я ее вижу насквозь. Хочешь, поспорим, что она уже передумала?

Рози подняла брови:

– Сомневаюсь. По-моему, она решила твердо.

Когда я открыл дверь, Хелен кончала говорить по телефону.

Она взволнованно обернулась ко мне:

– Я звонила миссис Мейсон. Остался всего один щенок, и посмотреть его едут люди откуда-то за восемьдесят миль. Нам надо торопиться. А вы еще так долго гуляли.

Наспех проглотив обед, Хелен, Рози, внучка Эмма и я поехали в Бидейл. Миссис Мейсон провела нас на кухню и кивнула на крохотное существо с темной полоской на спине, которое возилось под столом, как-то странно извиваясь.

– Вот он, – сказала она.

Я подхватил щеночка, и он свернулся у меня на ладонях, словно стараясь достать носом до хвоста. Но хвост этот бешено вилял, а розовый язычок щекотал мне пальцы. Я уже знал, что он наш, – еще до того, как проверил его прикус и пощупал, нет ли у него грыжи.

Мы тут же договорились с миссис Мейсон и вышли во двор познакомиться с матерью и бабушкой щенка. Конурами им служили две небольшие бочки. Обе выскочили навстречу и уперлись лапами нам в ноги, пыхтя от радости. Я окончательно успокоился. Сын и внук таких веселых и здоровых собак обещал быть во всех отношениях превосходным псом. Когда мы ехали обратно и Эмма бережно держала щенка в объятиях, я подумал, что круг действительно замкнулся: не прошло и пятидесяти лет, как я обзавелся бордер-терьером.

Много дней мы ломали голову, как его назвать, – спорили, приводили доводы и контр-доводы. В конце концов мы нарекли его Боди – в честь одного из героев телевизионного сериала «Профессионалы», которого играет наш с Хелен любимый актер Льюис Коллинз. Позже мы познакомились с Льюисом и сначала побаивались признаться ему, что назвали свою собаку в его честь. Но он нисколько не возмутился, зная нас и понимая, какое важное место занимает Боди в нашей семье.

Мы с Хелен зажили с Боди очень счастливо. Нам страшно не хватало собаки в доме, и мы радовались, когда тягостная пустота заполнилась.

Удивительно, разумеется, что заполнило ее маленькое существо длиной около девяти дюймов, с волосатой мордочкой, подернутой легкой проседью, но Боди сотворил это чудо без малейших усилий. У Хелен вновь была собака, чтобы кормить ее и заботиться о ней в стенах дома, а у меня появился спутник в машине и в вечерних моих прогулках, хотя, правда, он был почти не виден на конце поводка.

Его первая встреча с Полли была грандиозным событием. Я упомянул о дружбе с первого взгляда между Гектором и Дэном – с Боди случилось иное. Он влюбился.

Это не преувеличение. Полли стала – и остается по сей день – самым главным живым существом его мира. Она жила рядом, и он мог вести наблюдение за ее домом из окна нашей гостиной. Вздвигнутое таяканье оповещало нас, что его возлюбленная вышла в сад. К счастью для его душевного мира, он каждый день ходил гулять с ней, а по воскресеньям так и несколько раз. По мере того как он вырос, стало ясно, что этот распорядок для него важнее всего на свете.

Однажды, когда ему уже исполнился год, я гулял с ним и его подругой по проселку. Они бежали впереди, и у меня в голове роились воспоминания – трусящие бок о бок благородный лабрадор-ретривер и жесткошерстный маленький терьер. Внезапно Полли схватила палку, Боди тут же вцепился в конец палки, и началось буйное перетягивание. Маленький бордер ворчал и рычал, сосредоточенно удерживая палку, а Полли посмотрела на меня смеющимися глазами. Мне померещилось, что передо мной Гектор и Дэн.

Когда Боди стал почти взрослым, я уже мог по достоинству оценить разные его свойства. Описание бордер-терьера в моей «Собачьей энциклопедии» включает такие определения, как «выносливый», «бесхитростный», «без фокусов». Однако красивым автор его не называет и даже считает своим долгом указать, что «он лишен особого изящества более модных терьеров». Отрицать это я не могу. Косматая, усатая мордочка Боди выглядит почти комично, но меня она покорила. И, глядя на нее теперь, я думаю, до чего же она выразительна и какие глубины характера выражает!

«Энциклопедия» далее так определяет эту породу: «Предельно верны, с детьми ласковы». Опять-таки и то и другое абсолютно верно, однако Боди явно считает себя сильной личностью и в качестве таковой стесняется выражать свои чувства. Если я сижу на диване, он хлопнется рядом со мной чуть-чуть виновато, будто нечаянно, однако почти вплотную ко мне. И еще у него есть привычка тихонечко заползать у меня между ногами, когда я сижу за столом

– обеденным или письменным. Вот и сейчас он пристроился так, а кресло вращающееся, и мне следует остерегаться резких поворотов.

Его влюбленность в Полли имеет то дурное следствие, что он стал безумно ревнив и без колебаний кидается на любого кобеля какого угодно роста, если заподозрит в нем потенциального ухажера. Начинается непотребная драка, и мне приходится приносить извинения рассерженному владельцу.

Подобные замашки – верх неразумия для такого малыша, поскольку противник обычно оказывается сильнее. Но он никогда не сдается. Не далее чем на прошлой педеле я снял швы с его плеча – памятку о схватке с гигантской немецкой овчаркой нечистых кровей. Когда я кинулся оттащить Боди, богатырский пес уже крутил его в воздухе за лапу, но бордер, чья пасть была набита шерстью, все еще напрашивался на что-нибудь похуже.

Пусть он неразумен, но он очень смел. В «Энциклопедии» указывается, что долгие века этих маленьких терьеров в пограничной полосе между Англией и Шотландией использовали для охоты на лисиц, чем, возможно, и объясняется бесстрашие Боди. Но как бы то ни было, отправляясь на прогулку с ним и Полли, я должен всякий раз внимательно осматривать горизонт.

Однако агрессивен он лишь избирательно, и с четвероногим прекрасным полом Боди – само обаяние: кружит возле красавиц, держа хвост торчком и ухмыляясь сквозь усы. А если они соглашаются поиграть с ним, он галантно терпит, как бы они ни опрокидывали и ни трепали его. Он весело подчиняется с глупой полуухмылкой на физиономии.

Странную манеру извиваться, которую я заметил, впервые его увидев, он сохранил и став взрослым. К человеку, которому он рад, Боди приближается бочком, по-крабьи, почти касаясь носом хвоста. Ничего подобного я ни у какой другой собаки не наблюдал.

Поскольку его непосредственным предшественником был Дэн, непослушание Боди производило особенное впечатление. Большой лабрадор, как почти все представители его породы, родился с желанием слушаться. Он все время озабоченно поглядывал на меня, томясь желанием выполнить какое-нибудь мое распоряжение, и даже ждал сигнала, чтобы забраться в машину или перейти из одной комнаты в другую. С Боди дело обстояло по-иному. После долгих усилий я все-таки научил его отзываться на такие простые команды, как «лежать!» или «ко мне!», но и их он выполняет не торопясь, а если занят в такую минуту чем-то интересным, то вообще не обращает на меня внимания. После того как я крикну раз десять, он, возможно, и взглянет с мягким недоумением. Это меня бесит – ведь люди считают, что собаки ветеринаров должны быть особенно благовоспитанными. Совсем недавно мой пятилетний сосед торжественно сообщил мне: «Ты всегда кричишь: „Боди! Боди! Боди!“» – и я сильно опасаюсь, что мои отчаянные, далеко вокруг разносящиеся крики успели стать непременным аккомпанементом быта нашего городка.

И все же... и все же... малыш обладает собственной, особой харизмой, грубоватым обаянием, которое берет в плен всех владельцев бордеров. Порода эта редкая, и я ловлю себя на том, что, увидев бордер-терьера на улице, начинаю разглядывать его со жгучим интересом. И я отнюдь не исключение: хозяева их проявляют такой же завороченный интерес к Боди. Мы все словно члены тайного общества.

Летом я гулял с Боди у мотеля на полпути до Глазго, как вдруг человек, выезжавший со стоянки, высунул голову в окошко.

– Какой замечательный бордер! – крикнул он мне.

Я надулся от невероятной гордости.

– Да, а у вас тоже бордер? – отозвался я.

– Ну конечно! – Он помахал мне рукой и уехал, но его товарищеский привет остался со мной.

Другая греющая сердце встреча произошла во время нашего путешествия этой весной. Я загнал машину на автомобильную палубу парома, который ходил между Обаном и островом Барра во Внешних Гебридах, и, вылезая из нее, заметил, что седовласый американец не спускает глаз с Боди, который вытянулся в своей любимой позе у заднего стекла.

Еще один поклонник этой породы. Он подробно рассказал мне о своем бордере. Выяснилось, что по ту сторону Атлантики они еще более редкие собаки, – по его словам, в такой огромной стране их разведением занимаются лишь три питомника. Прежде чем уйти, он снова и гораздо дольше созерцал заднее стекло моей машины.

– Ах, какие собаки! – наконец произнес он благоговейно.

Я от всей души с ним согласился. Однако, когда я думаю о Боди, достоинства его породы меня не занимают. Греет меня и преисполняет благодарности мысль, что он более чем заполнил пустоту от потери любимых псов, которые были у меня до него. Еще одно подтверждение истины, которая должна служить утешением для всех владельцев собак: короткий собачий век не означает вечной тоски утраты – пустота заполнится, а чудесные воспоминания сохранятся.

Так было с моей семьей и Боди. Он нам дорог точно так же, как все его предшественники.

На этом я и закончу свое вступление. Начал я его, чтобы объяснить, каким образом королевский доктор мог написать книгу собачьих историй, а получилось что-то вроде писем, которые приходят ко мне от моих читателей со всех концов мира. Они рассказывают мне о своих собаках, об их забавных замашках, обо всем, что те проделывают, принося в дом радость. Рассказывают они и о своих горестях, своих печалях – короче говоря, обо всем, что так или иначе сопутствует тем, кто держит собак.

Пожалуй, я выбрал наиболее удобный способ ответить всем моим корреспондентам. Ведь это то, что довелось испытать мне.

Трики-Бу

На смену осени шла зима, на высокие вершины полосами лег первый снег, и теперь неудобства практики в йоркширских холмах давали о себе знать все сильнее.

Часы за рулем, когда замерзшие ноги немели и переставали слушаться, сараи, куда надо было взбираться навстречу резкому ветру, гнувшему и рвавшему жесткую траву. Бесконечные раздевания в коровниках и хлевах, где гуляли сквозняки, ледяная вода в ведре, кусочек хозяйственного мыла, чтобы мыть руки и грудь, и частенько мешковина вместо полотенца.

Вот теперь я по-настоящему понял, что такое цыпки, – когда работы было много, руки у меня все время оставались влажными и мелкие красные трещинки добирались почти до локтей.

В такое время вызов к какому-нибудь домашнему любимцу был равносильен блаженной передышке. Забыть хоть ненадолго все эти зимние досады, войти вместо хлева в теплую элегантную гостиную и приступить к осмотру четвероногого, заметно менее внушительного, чем жеребец или племенной бык! А из всех этих уютных гостиных самой уютной была, пожалуй, гостиная миссис Памфри.

Миссис Памфри, пожилая вдова, унаследовала солидное состояние своего покойного мужа, пивного барона, чьи пивоварни и пивные были разбросаны по всему Йоркширу, а также прекрасный особняк на окраине Дарроуби. Там она жила в окружении большого штата слуг, садовника, шофера – и Трики-Бу. Трики-Бу был китайским мопсом и зеницей ока своей хозяйки.

Стоя теперь у величественных дверей, я украдкой обтирал носки ботинок о манжеты брюк и дул на замерзшие пальцы, а перед моими глазами проплывали картины глубокого кресла у пылающего камина, подноса с чайными сухариками, бутылки превосходного хереса. Из-за этого хереса я всегда старался наносить свои визиты ровно за полчаса до второго завтрака.

Мне открыла горничная, озарила меня улыбкой, как почетного гостя, и провела в комнату, заставленную дорогой мебелью. Повсюду, сверкая глянцевыми обложками, лежали иллюстрированные журналы и модные романы. Миссис Памфри, сидевшая в кресле с высокой спинкой у камина, положила книгу и радостно позвала:

– Трики! Трики! Пришел твой дядя Хэрриот!

Я превратился в дядю в самом начале нашего знакомства и, почувствовав, какие перспективы сулит такое родство, не стал протестовать.

Трики, как всегда, соскочил со своей подушки, вспрыгнул на спинку дивана и положил лапки мне на плечо. Затем он принялся старательно вылизывать мое лицо, пока не утомился. А утомлялся он быстро, потому что получал, грубо говоря, вдвое больше еды, чем требуется собаке его размеров. Причем еды очень вредной.

– Ах, мистер Хэрриот, как я рада, что вы приехали, – сказала миссис Памфри, с тревогой поглядывая на своего любимца. – Трики опять плюх-попает.

Этот термин, которого нет ни в одном ветеринарном справочнике, она сочинила, описывая симптомы закупорки околоанальных желез. В подобных случаях Трики показывал, что ему не по себе, внезапно садясь на землю во время прогулки, и его хозяйка в великом волнении мчалась к телефону: «Мистер Хэрриот, приезжайте скорее, он плюх-попает!»

Я положил собачку на стол и, придавливая ваткой, очистил железы.

Я не мог понять, почему Трики всегда встречал меня с таким восторгом. Собака, способная питать теплые чувства к человеку, который при каждой встрече хватает ее и безжалостно давит ей под хвостом, должна обладать удивительной незлобивостью. Как бы то ни было, Трики никогда не сердился и вообще был на редкость приветливым песиком, да к тому же большим

умницей, так что я искренне к нему привязался и ничего не имел против того, чтобы считаться его личным врачом.

Закончив операцию, я снял своего пациента со стола. Он заметно потяжелел, и ребра его обросли новым слоем жира.

– Миссис Памфри, вы опять его перекармливаете. Разве я не рекомендовал, чтобы вы давали ему побольше белковой пищи и перестали пичкать кексами и кремовыми пирожными?

– Да-да, мистер Хэрриот, – жалобно согласилась миссис Памфри. – Но что мне делать? Ему так надоели цыплята!

Я безнадежно пожал плечами и последовал за горничной в роскошную ванную, где всегда совершал ритуальное омовение рук после операции. Это была огромная комната с раковиной из зеленовато-голубого фаянса, полностью оснащенной туалетным столиком и рядами стеклянных полок, уставленных всевозможными флакончиками и баночками. Специальное гостевое полотенце уже ждало меня рядом с куском дорогого мыла.

Вернувшись в гостиную, я сел у камина с полной рюмкой хереса и приготовился слушать миссис Памфри. Беседой это назвать было нельзя, потому что говорила она одна, но я всегда узнавал что-нибудь интересное.

Миссис Памфри была приятной женщиной, не скупилась на благотворительные пожертвования и никогда не отказывала в помощи тем, кто в этой помощи нуждался. Она была неглупа, остроумна и обладала сдобным обаянием, но у всех людей есть свои слабости, и ее слабостью был Трики-Ву. Истории, которые она рассказывала о своем драгоценном песике, широко черпались в царстве фантазии, а потому я с удовольствием ожидал очередного выпуска.

– Ах, мистер Хэрриот, у меня для вас восхитительная новость! Трики завел друга по переписке! Да-да, он написал письмо редактору собачьего журнала, с приложением чека, и сообщил ему, что он, хотя и происходит от древнего рода китайских императоров, решил забыть о своей знатности и готов дружески общаться с простыми собаками. И он попросил редактора подобрать среди известных ему собак друга по переписке, чтобы они могли обмениваться письмами, ко взаимной пользе. Трики написал, что для этой цели он берет себе псевдоним «мистер Чепушист». И знаете, он получил от редактора очаровательный ответ (я без труда представил себе, как практичный человек уцепился за этот потенциальный клад!) и обещание познакомить его с Бонзо Фотерингемом, одиноким немецким догом, который счастлив будет переписываться с новым другом в Йоркшире.

Я прихлебывал херес. Трики похрапывал у меня на коленях. А миссис Памфри продолжала:

– Но у меня такое разочарование с новым летним павильоном! Вы ведь знаете, я строила его специально для Трики, чтобы мы смогли вместе сидеть там в жаркие дни. Это прелестная сельская беседка, но он чрезвычайно ее невзлюбил. Просто питает к ней отвращение и наотрез отказывается войти в нее. Видели бы вы ужасное выражение его мордашки, когда он смотрит на нее. И знаете, как он вчера ее назвал? Мне просто неловко это вам повторить! – Миссис Памфри оглянулась по сторонам, потом наклонилась ко мне и прошептала: – Он назвал ее «навозной дырой»!

Горничная перемешала угли в камине и наполнила мою рюмку. Ветер швырнул в окно вихрь ледяной крупы. «Вот это настоящая жизнь», – подумал я и приготовился слушать дальше.

– И я же не сказала вам, мистер Хэрриот! Трики вчера снова выиграл на скачках. Право же, он втихомолку изучает все сообщения о скаковых лошадях! Иначе как бы он мог так верно судить, в какой они форме? Ну вот, он посоветовал мне вчера поставить в Редкаре на Хитрого Парня в третьем заезде, и, как обычно, эта лошадь пришла первой. Он поставил шиллинг и получил девять!

Ставки эти всегда делались от имени Трики-Ву, и я с сочувствием представил себе, каково приходится местным букмекерам, задержанным, вечно меняющимся.

Безусловно, необходимость выплачивать звонкие шиллинги собаке была тяжким крестом для этих несчастных.

– Я так испугалась на прошлой неделе! – продолжала миссис Памфри. – И уже думала вызвать вас. Бедняжка Трики вдруг оприпадилась.

Мысленно я добавил этот новый собачий недуг к плюх-попанью и попросил объяснения.

– Это было ужасно. Я так испугалась! Садовник бросал Трики колечки. Вы ведь знаете, он бросает их по получасу каждый день.

Я действительно несколько раз наблюдал эту сцену. Ходжкин, угрюмый, сгорбленный старик-йоркширец, который, судя по его виду, ненавидел всех собак, а Трики особенно, должен был каждый день стоять на лужайке и бросать небольшие резиновые кольца. Трики кидался за ними, приносил назад и бешено лаял, пока кольцо снова не взлетало в воздух. Игра продолжалась, и суровые морщины на лице старика становились все глубже, а губы, не переставая, шевелились, хотя расслышать то, что он бормотал, было невозможно.

– Трики бегал за кольцами, – говорила миссис Памфри, – ведь он обожает эту игру, – как вдруг без всякой причины он оприпадилась. Забыл про кольца, стал кружить, тявкать и лаять самым странным образом, а потом упал на бочок и вытянулся, как мертвый. Вы знаете, мистер Хэрриот, я, право, подумала, что он умер, – так неподвижно он лежал. Но меня особенно расстроило, что Ходжкин вдруг принялся смеяться! Он работает у меня уже двадцать четыре года, и я ни разу не видела, чтобы он хоть раз улыбнулся, и тем не менее едва он взглянул на это бедное неподвижное тельце, как разразился пронзительным хихиканьем. Это было ужасно! Я уже собралась бежать к телефону, но тут Трики вдруг встал и ушел. И выглядел совсем таким, как всегда.

«Истерика, – подумал я. – Следствие перекармливания и перевозбуждения». Поставив рюмку, я строго посмотрел на миссис Памфри:

– Послушайте, ведь об этом я вас и предупреждал. Если вы по-прежнему будете пичкать Трики вреднейшими лакомствами, вы погубите его здоровье. Вы просто обязаны посадить его на разумную собачью диету и кормить его раз, от силы два в день, ограничиваясь очень небольшими порциями мяса с черным хлебом. Или немножко сухариков. А в промежутках – решительно ничего.

Миссис Памфри виновато съежилась в кресле:

– Пожалуйста, пожалуйста, не браните меня. Я пытаюсь кормить его как полагается, но это так трудно! Когда он просит чего-нибудь вкусенького, у меня нет сил ему отказать!

Она прижала к глазам носовой платок, но я был неумолим.

– Что же, миссис Памфри, дело ваше, но предупреждаю вас: если вы и дальше будете продолжать в этом же духе, Трики будет оприпадиваться все чаще и чаще.

Я с неохотой покинул уютную гостиную и на усыпанной песком подъездной аллее оглянулся. Миссис Памфри махала мне, а Трики, по обыкновению, стоял на подоконнике, и его широкая пасть была растянута так, словно он от души смеялся.

По дороге домой я размышлял о том, как приятно быть дядей Трики. Отправляясь отдыхать на море, он присылал мне ящики копченых сельдей, а когда в его теплицах созревали помидоры, каждую неделю преподносил мне фунт-другой. Жестянки табака прибывали регулярно, порой с фотографией, снабженной нежной подписью.

Когда же на Рождество мне доставили огромную корзину всяких деликатесов от «Форт-нема и Мейсона», я решил, что просто обязан слегка удобрить почву, приносящую столь великолепные плоды. До тех пор я ограничивался тем, что звонил миссис Памфри и благодарил ее за подарки, а она довольно холодно отвечала, что она тут ни при чем: все это посылает мне Трики, так его и нужно благодарить.

Заглянув в рождественскую корзину, я внезапно осознал, какую серьезную тактическую ошибку совершил, и тут же принялся сочинять письмо Трики. Старательно избегая сардонических взглядов, которые бросал на меня Зигфрид, я поблагодарил своего четвероногого племянника за рождественский подарок и за былую его щедрость. Выразил надежду, что праздник не вызвал несварения его нежного желудка, и порекомендовал на всякий случай принять черный порошок, который ему всегда прописывает дядюшка. Сладостное видение селедок, помидоров и рождественских корзин заглушило смутное чувство профессионального стыда. Я адресовал конверт «мастеру Трики Памфри, Барлби-Грейндж» и бросил его в почтовый ящик лишь с легким смущением.

Когда я в следующий раз вошел в гостиную миссис Памфри, она отвела меня в сторону.

– Мистер Хэрриот, – зашептала она. – Трики пришел в восторг от вашего прелестного письма, но одно его очень расстроило: вы адресовали письмо «мастеру Трики», а он настаивает, чтобы его называли «мистером», как взрослого. Сперва он страшно оскорбился, был просто вне себя, но, когда увидел, что письмо от вас, сразу успокоился. Право, не понимаю, откуда у него такие капризы. Может быть, потому, что он – единственный. Я убеждена, что у единственных собак легче возникают капризы, чем у тех, у кого есть братья и сестры.

Войдя в двери Скелдейл-хауса, я словно вернулся в более холодный, более равнодушный мир. В коридоре со мной столкнулся Зигфрид:

– И кто же это приехал? Если не ошибаюсь, милейший дядюшка Хэрриот! И что же вы подельвали, дядюшка? Уж конечно, надрывались в Барлби-Грейндже. Бедняга, как же вы утомились! Неужели вы искренне верите, будто корзиночка с деликатесами к Рождеству стоит кровавых мозолей на ладонях?

Даже специалист по мелким животным, с какими бы оригиналами среди владельцев собак ему ни приходилось иметь дело, несомненно, выделил бы миссис Памфри. Мне же, имевшему дело главным образом с практичными фермерами и привыкшему работать в самых примитивных условиях, она казалась почти плодом моего воображения. Ее теплая гостиная необыкновенно скрашивала тяготы моего будничного существования, а Трики-Ву был милейшим пациентом. Маленький пекинес с его фантастическими недугами завоевал симпатии людей по всему миру, и я получал невероятное количество писем с вопросами о нем. Он, все так же плюх-попая, счастливо дожил до глубокой старости. Миссис Памфри скончалась в возрасте восьмидесяти восьми лет. Она принадлежала к тем немногим, кто узнал себя в моих рассказах, но я убежден, что они импонировали ее чувству юмора. Во всяком случае, когда я перестал писать о ней, она прислала мне письмо со следующими словами: «Таперича и смеяться-то прямо не над чем!» И я спрашиваю себя: а не посмеивалась ли она все время втихомолку?

Тристаново бдение

Я положил иглу на поднос и, отступив на шаг, обозрел завершённый труд.

– Конечно, не мне говорить, но вид очень и очень недурен.

Тристан нагнулся над бесчувственной собакой и критически оглядел аккуратный разрез и ровные стежки.

– Отлично, мой мальчик. Я бы и сам лучше не сшил.

Большой чёрный лабрадор мирно лежал на столе. Язык у него вывалился наружу, остекленевшие глаза ничего не видели. Его привезли из-за безобразной опухоли на ребрах. Она оказалась простой липомой, и я решил, что удалить ее будет несложно. И не ошибся. Опухоль вылучилась со смехотворной легкостью – круглая, целая, поблескивающая, точно облупленное круглое яйцо.

На месте безобразного нароста – этот изящно зашитый рубец, который через несколько недель станет совсем незаметным. Я был доволен собой.

– Оставим его здесь, пока он не очнется, – сказал я. – Помоги уложить его на одеяла.

Мы устроили пса поудобнее перед электрокамином, и я отправился по утренним вызовам.

Мы обедали, когда наш слух поразил на редкость странный звук – нечто среднее между стоном и воем. Возникал он негромко, достигал пронзительнейшего крещендо, затем пробегал всю гамму в обратном порядке и замирал.

Зигфрид, вздрогнув, оторвался от супа.

– Во имя всего святого, что это?

– Наверное, собака, которую я оперировал утром, – ответил я. – Иногда такое случается при ослаблении действия барбитуратов. Наверное, он скоро очнется.

Зигфрид посмотрел на меня с явным сомнением.

– Будем надеяться. Я долго не выдержу. У меня мурашки по коже бегут.

Мы пошли посмотреть на пса. Пульс хорошего наполнения, дыхание глубокое и ровное, слизистые нормального цвета. Он все еще лежал, неподвижно вытянувшись, и о том, что сознание должно было вот-вот вернуться к нему, свидетельствовал только вой, который теперь повторялся регулярно каждые десять секунд.

– Да, у него все в порядке, – сказал Зигфрид. – Но до чего же он пакостно воет! Пошли отсюда.

Обед был доеден поспешно и в полной тишине, если не считать непрерывного звукового сопровождения. Зигфрид вскочил, не дожидаясь последнего кусочка.

– Ну, мне надо отправляться. Вызовов масса. Тристан, по-моему, собаку надо перенести в гостиную и уложить перед огнем. Так тебе проще будет за ним присматривать.

Глаза Тристана полезли на лоб.

– Ты хочешь, чтобы я весь день просидел здесь под эту музыку?

– Вот именно. Отослать его к хозяину, пока он не очнется, никак нельзя, и я не могу допустить, чтобы с ним что-нибудь случилось. Он нуждается во внимании и заботе.

– Может быть, ты хочешь, чтобы я держал его за лапу или покатал в колясочке по рыночной площади?

– Избавь меня от дурацких острот! Будешь сидеть с собакой, и никаких разговоров!

Мы с Тристаном протащили тяжелого пса по коридору на одеялах, и я отправился по вызовам. Проходя по коридору, я посмотрел в открытую дверь на большое черное тело у камина и на Тристана, уныло поникшего в кресле. Вой не прекращался. Я поторопился закрыть дверь.

Когда я вернулся, уже стемнело и старый дом возвышался надо мной, темный и безмолвный, на фоне холодного неба. Безмолвный-то безмолвный, но вой все еще отдавался эхом в коридоре, и жуткие его отголоски достигали даже пустынной улицы.

Захлопнув дверцу машины, я взглянул на свои часы. Шесть часов! Значит, Тристан наслаждается этим уже четыре часа. Я взбежал на крыльцо, пробежал по коридору, открыл дверь гостиной – и у меня застучало в висках. Тристан стоял спиной ко мне перед стеклянной дверью и смотрел во мглистый сад. Руки у него были глубоко засунуты в карманы, из ушей торчали клочки ваты.

– Ну как тут? – спросил я.

Он не ответил, и, подойдя к нему, я потрогал его за плечо. Эффект был потрясающим. Тристан взвился в воздух, извернулся штопором и устоял на меня.

– Господи помилуй, Джим! Ты меня чуть не угробил. Из-за этих чертовых затычек я ничего не слышу – кроме воя, естественно. Он всюду просочится.

Я опустился на колени рядом с лабрадором и осмотрел его. Все было в полном порядке, но, если не считать слабого глазного рефлекса, я не обнаружил никаких признаков скорого пробуждения. И все время, через краткие промежутки, раздавался пронзительный вой.

– Что-то он не спешит прийти в себя, – сказал я. – И так весь день?

– Именно, что так. Ни малейшего изменения. И не трать ты сочувствия на этого черта: дерет себе глотку, нежится у огня и знать ничего не знает. А мне каково? Слушаю его час за часом, все нервы мне истрепал. Еще немного, и придется тебе меня тоже усыпить. – Он запустил трясущиеся пальцы в волосы, а на щеке у него задержалась жилка.

Я взял его под руку:

– Пошли, тебе надо поесть. Сразу себя лучше почувствуешь.

Он, не сопротивляясь, позволил увести себя в столовую.

Зигфрид за чаем был в превосходной форме. Он лучился энергией и завладел разговором, однако ни разу не упомянул о пронзительных вокализах, оглашавших дом. А вот Тристан явно не мог от них отключиться.

Когда мы поднялись, Зигфрид положил ладонь мне на плечо:

– Не забудьте, у нас сегодня заседание общества в Бротоне, Джеймс. Старик Ривз расскажет о заболеваниях овец – обычно он блестящ. Жаль, что ты не можешь поехать с нами, Тристан, но, боюсь, тебе придется посидеть с собакой, пока она не очнется.

Тристан содрогнулся, как от удара:

– Нет, я больше не могу сидеть с этим чертовым псом! Я из-за него свихнусь!

– Боюсь, другого выхода нет. Джеймс или я подежурили бы около него, но нам нельзя пропустить заседание. Это произвело бы неблагоприятное впечатление.

Тристан, пошатываясь, вернулся в гостиную, а я надел пальто. На крыльце я остановился и прислушался. Пес по-прежнему выл.

Заседание общества прошло очень успешно. Проводилось оно в одном из роскошных отелей Бротона, и, как обычно, наиболее интересными были разговоры ветеринаров в баре после конца заседания. Испытываешь такое умиротворение, слушая рассказы о трудностях и ошибках своих коллег – особенно об ошибках.

Я развлекался тем, что старался угадать, о чем с таким оживлением беседуют те или иные группы, на которые разбились люди в переполненном помещении бара. Вот тот оратор вдруг нагнулся и сделал несколько рубящих движений ребром ладони – это он кастрировал стоящего жеребенка. А вон тот вытянул руку и шевелит пальцами – почти наверное, он помогает жеребящейся кобыле, корректирует положение передней ноги. И без малейших усилий. Как легки и просты самые сложные операции в теплом баре после двух-трех рюмочек!

Только в одиннадцать мы наконец разошлись по машинам и разъехались по своим уголкам Йоркшира – кто в большие промышленные города Уэст-Райдинга, кто в курортные

городки на Восточном побережье, а мы с Зигфридом весело возвращались по узкому шоссе, которое, извиваясь между каменными стенками, вело в Северные Пеннины.

Я виновато подумал, что все это время ни разу не вспомнил о Тристане и его бдении. А! Конечно же, его мучения уже позади и пес давно умолк. Но в Дарроуби, выпрыгнув из машины, я замер с поднятой ногой: из Скелдейл-хауса донесся приглушенный вой. Не может быть! Время за полночь, а пес так и не очнулся? Ну а Тристан? Мне стало жутко при мысли, в каком состоянии я его найду. И дверь гостиной я отворил с содроганием.

Кресло Тристана выглядело островком в море пустых пивных бутылок. К стене был при-слонен перевернутый ящик, а Тристан сидел выпрямившись, и вид у него был чрезвычайно серьезный. Я пробрался к нему, лавируя между бутылками.

– Очень было скверно, Трис? Как ты?

– Могло быть хуже, старина, могло быть хуже. Едва вы укатили, я сбежал к «Гуртовщикам» за ящиком пивка. Совсем другое дело! На третьей, а может, на четвертой чихать мне стало на псину, – правду сказать, я ему подвывал уж не знаю сколько времени. Мы недурно скоротали вечерок. Да и вообще, он уже приходит в себя. Видишь?

Пес поднял голову, глаза у него стали осмысленными. Вой прекратился. Я подошел, погладил его, и длинный черный хвост задергался в попытке дружески завилать.

– Так-то лучше, старичок, – сказал я. – Но уж теперь води себя прилично. Дядюшка Тристан достаточно от тебя натерпелся!

Лабрадор, словно в ответ, тут же с трудом поднялся, сделал несколько неверных шагов и рухнул на бутылки.

В дверях возник Зигфрид и брезгливо посмотрел на Тристана, который все еще сидел очень прямо, с торжественным выражением на лице, а потом перевел взгляд на барахтающегося среди бутылок пса.

– Во что ты превратил комнату? Неужели нельзя было обойтись без оргии? Ведь, кажется, ничего трудного от тебя не требовалось!

При звуке его голоса лабрадор кое-как встал на лапы и самоуверенно попытался подбежать к нему, повиливая при этом дрожащим хвостом. Далеко он не пробежал и снова плюхнулся на пол, а к ногам Зигфрида тихо подкатилась бутылка.

Зигфрид нагнулся и погладил блестящую черную голову.

– Милый, ласковый пес. И в нормальном состоянии, вероятно, очень хорош. Утром он совсем оправится, но вопрос в том, что с ним делать сейчас. Оставить его разгуливать здесь мы не можем – он того и гляди сломает лапу. – Зигфрид испепеляюще взглянул на Тристана, но тот и бровью не повел, а продолжал сидеть даже еще более прямо и неподвижно, точно прусский генерал. – Знаешь, забери-ка его на ночь к себе в комнату. Нам совсем ни к чему, чтобы он себе что-нибудь повредил. Да, так будет лучше всего – он переночует у тебя.

– Благодарю тебя, от всего сердца благодарю, – произнес Тристан ровным голосом, по-прежнему глядя прямо перед собой.

Зигфрид несколько секунд шурился на него, потом отвернулся.

– Ну так убери этот мусор, и пошли спать.

Наши с Тристаном комнаты соединялись дверью. Моя была большой, квадратной, с высоким потолком, камином с колоннами и двумя изящными нишами по сторонам, как и в гостиной внизу. Ложась там спать, я всегда ощущал себя немного герцогом.

Комната Тристана прежде служила гардеробной. Была она длинной, узкой, и его скромная кровать застенчиво пряталась в дальнем ее конце. Ковра на ровных лакированных полах не было, и я уложил пса на одеяла. Глядя сверху вниз на тонущее в подушке измученное лицо Тристана, я поспешил его успокоить:

– Он уже уснул, как младенец, и наверняка проспит до утра. Так что воспользуйся заслуженным отдыхом.

Я вернулся к себе, быстро разделся и нырнул в постель. Уснул я сразу же, а потому не знаю, когда именно за стеной поднялся шум. Во всяком случае, я внезапно проснулся, а в ушах у меня звенел гневный вопль. Послышались шуршание, глухой стук и новый отчаянный вопль Тристана.

Бежать в гардеробную у меня особого желания не возникало. Да и чем бы я помог? А потому только плотнее закутался в одеяло и прислушался. Потом задремал, но тут же очнулся от нового стука и нового крика за стеной. И опять, и опять.

Часа через два характер шума начал меняться. Лабрадор, видимо, преодолел слабость в лапах и принялся расхаживать по комнате: его когти выбивали веселую дробь по деревянному полу – цок-цок-цок, цок-цок-цок. И так без конца. Время от времени раздавался совсем осипший голос Тристана:

– Да прекрати же, бога ради! Сидеть, чертова псина!

Видимо, я все-таки уснул, потому что, в очередной раз открыв глаза, увидел, что небо за окном посерело и в комнате довольно светло. Перевернувшись на спину, я прислушался. Постукивание когтей не умолкало, но теперь оно стало реже, словно лабрадор неторопливо прогуливался, а не метался слепо из одного конца комнаты в другой. Тристана слышно не было.

Я выбрался из-под одеяла, поеживаясь от ледяного воздуха, и натянул брюки с рубашкой. Пройдя на цыпочках к разъединяющей нас двери, приоткрыл ее – и чуть не упал от удара двух могучих лап, упершихся мне в грудь. Лабрадор страшно мне обрадовался. Он, видимо, совсем здесь освоился, красивые карие глаза весело блестели, и, разинув пасть в пытящей счастливой улыбке, он показал за двумя рядами сверкающих зубов безупречно-розовый язык. Далеко внизу восторженно хлестал хвост.

– Ну что же, приятель, ты, кажется, ни на что не жалуешься, – сказал я. – Давай-ка посмотрим твой шов!

Я снял со своей груди жесткие лапы и проверил ровные стежки на ребрах. Ни отека, ни боли, никакой особой реакции.

– Чудесно! – воскликнул я. – Замечательно! Ты у нас как новенький. – Я шутливо шлепнул пса, и он совсем зашелся от восторга, прыгая на меня и стараясь облизать всего с головы до ног.

Пока я отбивался от него, с кровати донесся унылый стон. В сером утреннем свете Тристан выглядел ужасно. Он лежал на спине, обеими руками вцепившись в одеяло, и дико озираясь.

– Я ни разу глаз не сомкнул, Джим, ни разу! – прошептал он. – У моего братца поразительное чувство юмора – заставить меня провести ночь с этой скотиной! И как же он порадует, когда услышит, что мне пришлось терпеть! Ты последи за ним – и держу пари на что хочешь, – вид у него будет очень довольный.

Позднее, за завтраком, Зигфрид с большим сочувствием выслушал повесть о жуткой ночи, которую провел его брат, выразил ему свои сожаления и извинился за все хлопоты, которые ему доставил лабрадор. Но Тристан не ошибся: вид у Зигфрида при этом был очень довольный.

Я все время подчеркиваю, что животные непредсказуемы. Собственно говоря, именно эта непредсказуемость и лежит в основе большинства моих историй. Сюда же относятся и разнообразные реакции на анестезию. Насколько мне известно, люди в таких ситуациях начинают петь или сыпят непечатными выражениями. Этот пес просто выл, и, естественно, в моей памяти этот эпизод запечатлелся из-за участия в нем бедняги Тристана. Теперь мы оба любим посмеяться над подобными воспоминаниями. И рассказ этот будит во мне легкую ностальгическую грусть о временах, когда мы укладывали пациента у себя в гостиной или даже в спальне, чтобы не оставлять его без наблюдения. Мы все еще тешим себя мыслью, что не скупимся на личное внимание, однако я сомневаюсь, что способны повторить что-либо подобное.

Торжество хирургии

На этот раз Трики по-настоящему меня встревожил. Увидев его на улице с хозяйкой, я остановил машину, и от его вида мне стало нехорошо. Он очень разжирел и был теперь похож на колбасу с четырьмя лапками по углам. Из покрасневших глаз катились слезы. Высунув язык, он тяжело дышал.

Миссис Памфри поторопилась объяснить:

– Он стал таким апатичным, мистер Хэрриот. Таким вялым! Я решила, что он страдает от недоедания, и стала его немножко подкармливать, чтобы он окреп. Кроме обычной еды, я в промежутках даю ему немного студня из телячьих ножек, толокна, рыбьего жира, а на ночь – мисочку молочной смеси, чтобы он лучше спал, – ну сущие пустяки.

– А сладкое вы ему перестали давать, как я рекомендовал?

– Перестала, но он так ослабел, что я не могла не разжалобиться. Ведь он обожает кремовые пирожные и шоколад. У меня не хватает духа ему отказывать.

Я вновь поглядел на песика. Да, в этом и заключалась вся беда. Трики, к сожалению, был обжорой. Ни разу в жизни он не отвернулся от мисочки и готов был есть днем и ночью. И я подумал, сколько чего миссис Памфри еще не упомянула, – паштет на гренках, помадки, бисквитные торты... Трики ведь обожал и их.

– Вы хотя бы заставляете его бегать и играть?

– Ну, как вы видите, он выходит погулять со мной. А вот с кольцами он сейчас не играет, потому что у Ходжкина прострел.

– Я должен вас серьезно предупредить, – сказал я, стараясь придать голосу строгость. – Если вы сейчас же не посадите его на диету и не добьетесь, чтобы он много бегал и играл, ему не миновать опасной болезни. Не будьте малодушны и помните, что его спасение – голодная диета.

Миссис Памфри заломила руки:

– Непременно, непременно, мистер Хэрриот! Конечно, вы правы, но это так трудно, так трудно!

Я глядел, как они удаляются, и моя тревога росла. Трики еле ковылял в своей твидовой курточке. У него был полный гардероб курточек: теплые твидовые или шерстяные для холодной погоды, непромокаемые для сырой. Он кое-как брел, повисая на шлейке. Я уже не сомневался, что на днях миссис Памфри мне обязательно позвонит.

Так и произошло. Миссис Памфри была в полном отчаянии: Трики ничего не ест, отказывается даже от любимых лакомств, а кроме того, у него случаются припадки рвоты. Он лежит на коврике и тяжело дышит. Не хочет идти гулять. Ничего не хочет.

Я заранее обдумал свой план. Выход был один: на время забрать Трики из-под опеки хозяйки. И я сказал, что его необходимо госпитализировать на полмесяца для наблюдения.

Бедная миссис Памфри чуть не лишилась чувств. Она еще ни разу не расставалась со своим милым песиком. Он же зачахнет от тоски и умрет, если не будет видеть ее каждый день!

Но я был неумолим. Трики тяжело болен, и другого способа спасти его нет. Я даже решил забрать его немедленно и под причитания миссис Памфри направился к машине, неся на руках завернутого в одеяло песика.

Все слуги были подняты на ноги, горничные метались взад и вперед, складывая на заднее сиденье его дневную постельку, его ночную постельку, любимые подушки, игрушки, резиновые кольца, утреннюю мисочку, обеденную мисочку, вечернюю мисочку. Опасаясь, что в машине не хватит места, я включил скорость, и миссис Памфри с трагическим воплем только-только успела бросить в окно охапку курточек. Перед тем как свернуть за угол, я взглянул в зеркало заднего вида. И хозяйка, и горничные обливались слезами.

Отъехав на безопасное расстояние, я поглядел на бедную собачку, которая пыхла на сиденье рядом со мной. Я погладил Трики по голове, и он мужественно попытался вильнуть хвостом.

– Совсем ты выдохся, старина, – сказал я. – Но по-моему, я знаю, как тебя вылечить.

В приемной на меня хлынули наши собаки. Трики поглядел вниз на шумную свору тусклыми глазами, а когда я опустил его на пол, неподвижно растянулся на ковре. Собаки его обнюхали, пришли к выводу, что в нем нет ничего интересного, и перестали обращать на него внимание.

Я устроил ему постель в теплом стойле рядом с другими собаками. Два дня я приглядывал за ним, не давал ему есть, но пить разрешал сколько угодно. На исходе второго дня он уже проявлял некоторый интерес к окружающему, а на третий, услышав собачью возню во дворе, начал повизгивать.

Когда я открыл дверь, Трики легкой рысцой выбежал наружу, и на него тут же накинулись грейхаунд Джо и остальная свора. Перевернув его на спину и тщательно обнюхав, собаки побежали по саду. Трики затрусил следом, переваливаясь на ходу из-за избытка жира, но с явным любопытством.

Ближе к вечеру я наблюдал кормление собак. Тристан плеснул им ужин в миски. Свора ринулась к ним, и послышалось торопливое хлюпанье. Каждый пес знал, что стоит отстать от приятелей – и остаток его пищи окажется в опасности.

Когда они кончили, Трики обследовал сверкающие миски и полизал дно одной или двух. На следующее утро для него была поставлена дополнительная миска, и я с удовольствием смотрел, как он к ней пробивается.

С этого момента он стремительно пошел на поправку. Никакому лечению я его не подвергал: он просто весь день напролет бегал с собаками и восторженно присоединялся к их играм, обнаружив, насколько это увлекательно, когда каждые несколько минут тебя опрокидывают, валяют и возят по земле. Несмотря на свою шелковистую шерсть и изящество, он стал законным членом этой косматой банды, как тигр, дрался за свою порцию во время кормежки, а по вечерам охотился на крыс в старом курятнике. В жизни он не проводил время так замечательно.

А миссис Памфри пребывала в состоянии неумной тревоги и по десять раз на дню звонила, чтобы получить последний бюллетень. Я ловко уклонялся от вопросов о том, достаточно ли часто проветриваются его подушки и достаточно ли теплая курточка на нем надета. Однако я с чистой совестью мог сообщить ей, что опасность песику больше не грозит и он быстро выздоравливает.

Слово «выздоровливает», по-видимому, вызвало у миссис Памфри определенные ассоциации. Она начала ежедневно присылать Трики по дюжине свежайших яиц для восстановления сил. Несколько дней мы наслаждались двумя яйцами за завтраком на каждого, однако истинные возможности ситуации мы осознали, только когда к яйцам добавились бутылки хереса хорошо мне знакомой восхитительной марки. Херес должен был предохранить Трики от малокровия. Обеды обрели атмосферу парадности: две рюмки перед началом еды, а потом еще несколько. Зигфрид и Тристан по очереди провозглашали тосты за здоровье Трики и с каждым разом становились все красноречивее. На меня, как на его представителя, возлагалась обязанность произносить ответные тосты.

А когда прибыл коньяк, мы глазам своим не поверили. Две бутылки лучшего французского коньяка, долженствовавшего окончательно укрепить организм Трики. Зигфрид извлек откуда-то старинные пузатые рюмки, собственность его матери. Я видел их впервые, но теперь за несколько вечеров свел с ними близкое знакомство, прокатывая по их краю, обоняя и благоговейно прихлебывая чудесный напиток.

Мысль оставить Трики навсегда в положении выздоравливающего больного была очень соблазнительна, но я знал, как страдает миссис Памфри, и через две недели, повинаясь велению долга, позвонил ей и сообщил, что Трики здоров и его можно забрать.

Несколько минут спустя у тротуара остановился сверкающий черный лимузин необъятной длины. Шофер распахнул дверцу, и я с трудом различил миссис Памфри, совсем затерявшуюся в этих обширных просторах. Она судорожно сжимала руки на коленях, губы у нее дрожали.

– Ах, мистер Хэрриот! Умоляю, скажите мне правду. Ему действительно лучше?

– Он совершенно здоров. Не трудитесь выходить из машины, я сейчас за ним схожу.

Я прошел по коридору в сад. Куча собак носилась по лужайке, и среди них мелькала золотистая фигурка Трики. Уши у него стлались по воздуху, хвост отчаянно вилял. За две недели он превратился в ловкого песика с литыми мышцами. Он мчался длинными скачками, почти задевая грудью траву, и держался вровень с остальными.

Я взял его на руки и прошел с ним назад по коридору. Шофер все еще придерживал открытую дверцу, и, увидев свою хозяйку, Трики вырвался от меня и одним прыжком очутился у нее на коленях. Миссис Памфри ахнула от неожиданности, а затем была вынуждена отбиться от него – с таким энтузиазмом он принялся лизать ей лицо и лаять.

Пока они обменивались приветствиями, я помог шоферу снести в машину постельки, игрушки, подушки, курточки и мисочки, так и пролежавшие в шкафу все это время. Когда машина тронулась, миссис Памфри со слезами на глазах высунулась в окно. Губы ее дрожали.

– Ах, мистер Хэрриот! – воскликнула она. – Как мне вас благодарить? Это истинное торжество хирургии!

Вновь Трики-Ву – и восхитительный пример лечения знакомого животного, когда можно в полной мере насладиться результатами. История эта к тому же воскрешает атмосферу товарищества в Скелдейл-хаусе, когда мы по-братски делили деликатесы миссис Памфри. Читатели будут рады узнать, что с этих пор Трики был посажен на разумную диету и больше не страдал ни от перекармливания, ни от ожирения.

Выкурите сигару!

Я снова заглянул в листок, на котором записал вызовы. «Дин, Томпсоновский двор, 3. Больная старая собака».

В Дарроуби было немало «дворов» – маленьких улочек, словно сошедших с иллюстраций в романах Диккенса. Одни отходили от рыночной площади, другие прятались за магистралями в старой части города. Они начинались с низкой арки, и я всякий раз удивлялся, когда, пройдя по тесному проходу, вдруг видел перед собой два неровных ряда поразительно разнообразных домиков, заглядывавших в окна друг другу через узкую полоску булыжной мостовой. Перед некоторыми в палисадничках среди камней вились настурции и торчали ноготки, но дальше ютились обветшалые лачуги, и у двух-трех окна были забиты досками. Номер третий находился как раз в дальнем конце, и казалось, что он долго не простоит. Хлопья облезающей краски на прогнивших филенках затрепетали, когда я постучал в дверь, а кирпичная стена над ней опасно вспучивалась по сторонам длинной трещины.

Мне открыл шуплый старичок. Волосы у него совсем побелели, но глаза на худом морщинистом лице смотрели живо и бодро. Одет он был в шерстяную штопаную-перештопаную фуфайку, заплатанные брюки и домашние туфли.

– Я пришел посмотреть вашу собаку, – сказал я, и старичок облегченно улыбнулся.

– Очень вам рад, сэр. Что-то у меня на сердце из-за него беспокойно. Входите, входите, пожалуйста.

Он провел меня в крохотную комнатку.

– Я теперь один живу, сэр. Хозяйка моя вот уже больше года, как скончалась. А до чего она нашего пса любила!

Все вокруг свидетельствовало о безысходной нищете: потертый линолеум, холодный очаг, душный запах сырости. Волглые обои висели лохмотьями, а на столе стоял скудный обед старика: ломтик грудинки, немного жареной картошки и чашка чая. Жизнь на пенсию по старости.

В углу на одеяле лежал мой пациент, лабрадор-ретривер, хотя и не чистопородный. В расцвете сил он, несомненно, был крупным, могучим псом, но седая шерсть на морде и белесая муть в глубине глаз говорили о беспощадном наступлении дряхлости. Он лежал тихо и поглядывал на меня без всякой враждебности.

– Возраст у него почтенный, а, мистер Дин?

– Вот-вот. Без малого четырнадцать лет, но еще месяц назад бегал и резвился что твой щенок. Старый Боб – он для своего возраста замечательная собака и в жизни ни на кого не набросился. А уж дети что хотят с ним делают. Теперь он у меня только один и остался. Ну да вы его подлечите, и он опять будет молодцом.

– Он перестал есть, мистер Дин?

– Совсем перестал, а ведь всегда любил поесть, право слово. За обедом, там, или за ужином сядет возле меня, а голову положит мне на колени. Только вот в последние дни перестал.

Я смотрел на пса с нарастающей тревогой. Живот у него сильно вздулся, и легко было заметить роковые симптомы неутихающей боли: перебои в дыхании, втянутые уголки губ, испуганный, неподвижный взгляд.

Когда его хозяин заговорил, он два раза шлепнул хвостом по одеялу, и на мгновение в белесых старых глазах появилось выражение интереса, но тут же угасло, вновь сменившись пустым, обращенным внутрь взглядом.

Я осторожно провел рукой по его животу. Ярko выраженный асцит, и жидкости скопилось столько, что давление, несомненно, было мучительным.

– Ну-ка, ну-ка, старина, – сказал я, – попробуем тебя перевернуть.

Пес без сопротивления позволил мне перевернуть его на другой бок, но в последнюю минуту жалобно взвизгнул и поглядел на меня. Установить причину его состояния, к несчастью, было совсем нетрудно. Я бережно ощупал его бок. Под тонким слоем мышц мои пальцы ощутили бороздчатое затвердение. Несомненная карцинома селезенки или печени, огромная и абсолютно неоперабельная. Я поглаживал старого пса по голове, пытаюсь собраться с мыслями. Мне предстояли нелегкие минуты.

– Он долго будет болеть? – спросил старик, и при звуке любимого голоса хвост снова дважды шлепнул по одеялу. – Знаете, когда я хлопочу по дому, как-то тоскливо, что Боб больше не ходит за мной по пятам.

– К сожалению, мистер Дин, его состояние очень серьезно. Видите вздутие? Это опухоль.

– Вы думаете... рак? – тихо спросил старичок.

– Боюсь, что да, и уже поздно что-нибудь делать. Я был бы рад помочь ему, но это неизлечимо.

Старичок растерянно посмотрел на меня, и его губы задрожали.

– Значит... он умрет?

У меня сжалось горло.

– Но ведь мы не можем оставить его умирать, правда? Он и сейчас страдает, а вскоре ему станет гораздо хуже. Наверное, вы согласитесь, что будет лучше, если мы его усыпим. Все-таки он прожил долгую хорошую жизнь... – В таких случаях я всегда старался говорить деловито, но сейчас избитые фразы звучали неуместно.

Старичок ничего не ответил, потом сказал:

– Погодите немножко, – и медленно, с трудом опустился на колени рядом с собакой. Он молчал и только гладил старую седую морду, а хвост шлепал и шлепал по одеялу.

Я еще долго стоял в этой безрадостной комнате, глядя на выцветшие фотографии по стенам, на ветхие грязные занавески, на кресло с продавленным сиденьем.

Наконец старичок поднялся на ноги и несколько раз сглотнул. Не глядя на меня, он сказал хрипло:

– Ну хорошо. Вы сейчас это сделаете?

Я наполнил шприц и сказал то, что говорил всегда:

– Не тревожьтесь, это совершенно безболезненно. Большая доза снотворного, только и всего. Он ничего не почувствует.

Пес не пошевелился, пока я вводил иглу, а когда нембутал вошел в вену, испуг исчез из его глаз и все тело расслабилось. К тому времени, когда я закончил инъекцию, он перестал дышать.

– Уже? – прошептал старичок.

– Да, – сказал я. – Он больше не страдает.

Старичок стоял неподвижно, только его пальцы сжимались и разжимались. Когда он повернулся ко мне, его глаза блеснули.

– Да, верно, нельзя было, чтобы он мучился, и я благодарен вам за то, что вы сделали. А теперь – сколько я должен вам за ваш визит, сэр?

– Ну что вы, мистер Дин, – торопливо сказал я. – Вы мне ничего не должны. Я просто проезжал мимо... и даже лишнего времени не потратил...

– Но вы же не можете трудиться бесплатно, – удивленно возразил старичок.

– Пожалуйста, больше не говорите об этом, мистер Дин. Я ведь объяснил вам, что просто проезжал мимо вашего дома...

Я попрощался, вышел и по узкому проходу зашагал к улице. Там сияло солнце, сновали люди, но я видел только нищую комнатуху, старика и его мертвую собаку.

Я уже открывал дверцу машины, когда меня окликнули. Ко мне, шаркая домашними туфлями, подходил старичок. По щекам у него тянулись влажные полоски, но он улыбался. В руке он держал что-то маленькое и коричневое.

– Вы были очень добры, сэр. И я кое-что вам принес.

Он протянул руку, и я увидел, что его пальцы сжимают замусоленную, но бережно хранившуюся реликвию какого-то давнего счастливого дня.

– Берите, это вам, – сказал старичок. – Выкурите сигару!

Случай этот произошел на заре моей ветеринарной карьеры, и впечатление от него преследовало меня еще много недель, да и теперь он остается среди самых ярких и грустных моих воспоминаний. Как ни печально, но ветеринарам постоянно приходится усыплять животных, составляющих единственное утешение одиноких стариков. Хорошо еще, что барбитураты позволяют сделать это пристойно, без мучений. Но в эпизоде с мистером Дином было что-то особенное, и именно про него я вспомнил, впервые сказав себе: «Если я когда-нибудь напишу книгу, то этот случай опишу в ней непременно». Может быть, вся суть в сигаре...

Материнский инстинкт

Казалось бы, миллионеру нет смысла заполнять купоны футбольного тотализатора, но в жизни Харолда Денема этому занятию отводилось одно из главных мест. И оно скрепило наше знакомство, так как Харолд, несмотря на любовь ко всяческим тотализаторам, в футболе не смыслил ровно ничего, ни разу не побывал ни на одном матче и не мог бы назвать ни единого игрока высшей лиги. Вот почему, когда он обнаружил, что я со знанием дела рассуждаю об играх даже самых захудалых команд, уважение, с которым он всегда ко мне относился, превратилось в почтительное благоговение.

Познакомили нас, разумеется, его любимцы и питомцы. У него было множество всевозможных собак, кошек, кроликов, птичек и золотых рыбок, а потому я, естественно, стал частым гостем на пыльной вилле, викторианские башенки которой, встававшие над зеленью парка, были видны из самых разных мест в окрестностях Дарроуби. Вначале мои визиты словно бы носили самый обычный характер – то фокстерьер поранил лапу, то старую серую кошку беспокоил ее ринит, – но затем меня стали одолевать сомнения. Слишком уж часто он вызывал меня по средам, когда подходил срок отсылки купонов, а недомогание очередного четвероногого или пернатого оказывалось настолько пустяковым, что у меня волей-неволей возникло подозрение, не находится ли животное в полном здравии и не нуждается ли Харолд в консультации для своих ответов.

Окончательной уверенности у меня не было, но как было не заподозрить, что дело нечисто, если он всегда встречал меня одной и той же фразой: «А, мистер Хэрриот! Ну как тотализатор?» Последнее слово он любовно растягивал – «то-та-ли-за-а-атор». Вопрос этот объяснялся тем, что как-то раз я выиграл шестнадцать шиллингов! С каким благоговением он рассматривал извещение о выигрыше и почтовый перевод! Больше я никогда не выигрывал, но что из этого? В его глазах я оставался оракулом, верховным, непогрешимым. Харолд же так ни разу ничего и не выиграл.

Денемы были влиятельными людьми в Северном Йоркшире. Сказочно богатые промышленники в прошлом веке, теперь они стали лидерами в сельскохозяйственной сфере. «Фермеры-джентльмены», они тратили свои деньги на создание элитных стад свиней и дойных коров; они распахивали каменистые пустоши высоко в холмах, удобряли землю и собирали с нее богатые урожаи; они осушали кислые топи и на бывших болотах выращивали картофель и кормовую свеклу; они были председателями всевозможных комитетов, организаторами лисьей травли, законодателями общества графства.

Но Харолд порвал с семейными традициями еще в ранней юности. Он опроверг прописную истину, что безделье счастья не приносит. Изо дня в день он бродил по дому и десятку акров запущенной земли, не интересуясь внешним миром, не замечая, что происходит по соседству, но бесконечно довольный жизнью. Вряд ли его хоть сколько-нибудь интересовало, что о нем думают люди, – и к лучшему, так как многие были о нем самого нелестного мнения. Его старший брат, именитый Бэзил Денем, называл его не иначе как «этот проклятый дурень», а окрестные фермеры придерживались мнения, что у него «на чердаке маловато».

Мне же он был симпатичен – добрый, простодушный, любящий непритязательные шутки, – и я с удовольствием ездил к нему. Он и его жена завтракали, обедали и ужинали на кухне, да и почти все свободное время, казалось, проводили там, а потому я сразу направлялся к черному ходу.

В тот день, о котором пойдет речь, он попросил меня посмотреть суку немецкого дога, которая только что ощенилась и выглядела не очень хорошо. Случилось это не в среду, а потому я решил, что с ней, пожалуй, действительно приключилось что-нибудь серьезное, и поспешил туда. Харолд, как обычно, заговорил со мной на любимую тему – у него был чрезвычайно

приятный голос, звучный, выразительный, неторопливый, как у проповедующего епископа, и я в сотый раз подумал, что названия футбольных команд, произносимые словно с церковной кафедры под аккорды органа, производят удивительно комичное впечатление.

– Не могу ли я попросить у вас совета, мистер Хэрриот? – начал он, когда мы прошли через кухню в длинный, плохо освещенный коридор. – Я пытаюсь решить, кого следует прогнозировать как победителя: «Сандерленд» или «Астон-Виллу»?

Я остановился и изобразил глубокую задумчивость, а Харолд уставился на меня в тревожном ожидании.

– Как бы вам сказать, мистер Денем, – произнес я внушительно. – «Сандерленд» имеет хорошие шансы, но мне из верных источников известно, что тетушка Рейча Картера прихворнула, и это может оказать влияние на его игру в субботу.

Харолд уныло закивал, потом поглядел на меня внимательнее и захохотал.

– Мистер Хэрриот, мистер Хэрриот, вы опять надо мной подшучиваете! – Он пожал мой локоть и пошел дальше, басисто посмеиваясь.

Покружив по настоящему лабиринту темных, затянутых паутиной коридоров, мы наконец добрались до маленькой охотничьей комнаты, где на низеньком деревянном помосте лежала моя пациентка. Я тотчас узнал в ней могучего немецкого дога, которого видел несколько раз во дворе во время моих предыдущих визитов. Лечить мне ее еще не приходилось, но ее присутствие здесь нанесло смертельный удар одной из моих новейших теорий – что больших собак в больших особняках не встретишь. Сколько раз я наблюдал, как из крохотных домишек на задних улицах Дарроуби пулей вылетают бульмастифы, немецкие овчарки и бобтейлы, волоча на поводке своих беспомощных владельцев, тогда как в парадных гостиных и в садах богатых особняков мне встречались только самые мелкие из терьеров. Но конечно, Харолд во всем был оригиналом.

Он погладил суку по голове:

– Она оценилась вчера, и выделения у нее подозрительно темные. Ест она хорошо, но все-таки мне бы хотелось, чтобы вы ее осмотрели.

Доги, как большинство крупных собак, обычно отличаются флегматичностью, и, пока я измерял температуру, сука даже не пошевелилась. Она лежала на боку и блаженно прислушивалась к писку своих слепых щенят, которые влезали друг на друга, добираясь до набухших сосков.

– Да, температура у нее немного повышенная, и выделения действительно нехорошие. – Я осторожно ощупал длинную впадину на боку. – Не думаю, чтобы там остался щенок, но все-таки лучше проверить. Не могли бы вы принести мне теплой воды, мыло и полотенце?

Когда дверь за Харолдом закрылась, я лениво оглядел охотничью. Она была немногим больше чулана, и, вопреки названию, в ней никакого охотничьего снаряжения и оружия не хранилось, так как Харолд принципиально не признавал охоту. В стеклянных шкафах покоились только старые переплетенные комплекты журналов «Блэквудс мэгэзин» и «Кантри лайф». Я простоял так минут десять, недоумевая, куда пропал Харолд, а потом повернулся и начал рассматривать старинную гравюру на стене. Естественно, она изображала охоту, и я задумался над тем, почему на них так часто изображены лошади, переносящиеся через ручей, и почему у этих лошадей обязательно такие невозможно длинные ноги, как вдруг позади меня послышался легкий рык – утробный рокот, негромкий, но угрожающий.

Я оглянулся и увидел, что сука очень медленно поднимается со своего ложа, – не так, как обычно встают собаки, но словно ее поднимают на невидимых стропах, перекинутых через блоки в потолке: лапы выпрямлялись почти незаметно, тело было напряжено, шерсть вздыбилась. Все это время она не сводила с меня немигающего свирепого взгляда, и впервые в жизни я понял смысл выражения «горящие глаза». Нечто похожее мне прежде довелось увидеть только однажды – на потрепанной обложке «Собаки Баскервиль». Тогда я подумал, что художник

безбожно нафантазировал, но вот теперь на меня были устремлены два глаза, пылающие точно таким же желтым огнем.

Конечно, она решила, что я подбираюсь к ее щенкам. Ведь хозяин ушел, а этот чужак тихо стоит в углу и явно замышляет что-то недоброе. Одно было несомненно: еще две-три секунды – и она бросится на меня. Я благословил судьбу, что совершенно случайно оказался почти рядом с дверью. Осторожно, дюйм за дюймом я продвинул левую руку к дверной ручке, а собака все еще поднималась с той же ужасной медлительностью, с тем же утробным ворчанием. Я уже почти коснулся ручки и тут совершил роковую ошибку – поспешно за нее схватился. Едва мои пальцы сжали металл, собака взвилась над помостом, как ракета, и ее зубы сомкнулись на моем запястье.

Я ударил ее правым кулаком по голове, она выпустила мою руку и тут же вцепилась мне в левую ногу выше колена. Я испустил пронзительный вопль и уж не знаю, что было бы со мной дальше, если бы я не наткнулся на единственный стул в этой комнате. Он был старый, расшатанный, но он меня спас. Когда собаке словно бы надоело грызть мою ногу и она внезапно прыгнула, целясь мне в лицо, я схватил стул и отбил ее атаку.

Дальнейшее мое пребывание в охотничьей превратилось в пародию на номер укротителя львов, и, несомненно, выглядело все это очень смешно. По правде говоря, я с тех пор не раз жалел, что эпизод не мог быть запечатлен на киноплёнке, но в те минуты, когда чудовищная собака кружила передо мной в тесной комнатухе, а у меня по ноге струилась кровь и обороняться я мог только ветхим стулом, мне было совсем не до смеха. В ее атаках чувствовалась свирепая решимость, и ее жуткие глаза ни на миг не отрывались от моего лица.

Щенки, рассерженные внезапным исчезновением восхитительного источника тепла и питания, все девятéro слепо ползали по помосту и что есть мочи возмущенно пищали. Их вопли только подстегивали мать, и чем громче становился писк, тем яростнее стремилась она расправиться со мной. Каждые несколько секунд она бросалась на меня, а я отскакивал и тыкал в нее стулом в стиле лучших цирковых традиций. Один раз ей, несмотря на стул, удалось прижать меня к стене. Когда она поднялась на задние лапы, ее голова оказалась почти на уровне моей, и я с неприятно близкого расстояния мог полюбоваться лязгающими зубами страшной пасти.

А главное – мой стул начинал разваливаться. Собака уже без особого усилия обломилась две ножки, и я старался не думать о том, что произойдет, когда он окончательно разлетится на части. Но я отвоевывал путь назад к двери, и, когда уперся спиной в ее ручку, настал момент для решающих действий. Я издал последний устрашающий крик, швырнул в собаку остатками стула и выскочил в коридор. Захлопнув дверь и прижавшись к ней спиной, я почувствовал, как она вся содрогнулась от ударившегося о нее огромного тела.

Я опустилсЯ на пол у стены, засучил штанину и начал рассматривать свои раны, и тут в дальнем конце коридора появился Харолд с дымящимся тазом в руках и с полотенцем через плечо. Теперь я понял, почему он так задержался: все это время он кружил по коридорам, возможно попросту заблудившись в собственном доме, но скорее – взвешивая, какую команду назвать в качестве победителя.

В Скелдейл-хаусе мне пришлось вытерпеть немало насмешливых замечаний по адресу моей новой моряцкой походки, но, когда Зигфрид в спальне осмотрел мою ногу, улыбка сползла с его лица.

– Еще бы дюйм, черт побери! – Он тихо присвистнул. – Знаете, Джеймс, мы часто шутим, как нас в один прекрасный день обработает разъяренный пес. Ну так вот, мой милый, вы чуть было не испытали это на собственном опыте!

Вскоре после этого случая я отправился в пешее путешествие по Шотландии, и грубая материя шорт болезненно натирала полукруг, который собачьи зубы оставили на внутренней стороне моего бедра над коленом, – постоянное напоминание о том, что работа с мелкими

животными тоже бывает опасной и что даже кроткие суки, оберегая своих щенков, могут стать агрессивными. Но конечно, верно и прямо противоположное. Чаще, подходя к суке, окруженной щенками, я видел, что она просто переполнена гордостью, и, когда я брал щенков на руки, она восхищенно виляла хвостом. Заранее не угадаешь. Еще один неопределенный фактор в нашей работе.

Дэн – и Хелен

– Не может ли мистер Хэрриот посмотреть мою собаку? – такие слова нередко доносились из приемной, но этот голос приковал меня к месту прямо посреди коридора.

Не может быть... И все-таки это был голос Хелен Олдерсон! Я на цыпочках подкрался к двери, бессовестно прижал глаз к щели и увидел Тристана, который стоял лицом к кому-то невидимому, а также руку, поглаживающую голову терпеливого бобтейла, край твидовой юбки и стройные ноги в шелковых чулках.

Ноги были красивые, крепкие и вполне могли принадлежать высокой девушке вроде Хелен. Впрочем, долго гадать мне не пришлось: к собаке наклонилась голова и я увидел крупным планом небольшой прямой нос и темную прядь волос на нежной щеке.

Я смотрел и смотрел как зачарованный, но тут из приемной вылетел Тристан, врезался в меня, выругался, ухватил меня за плечо и потащил через коридор в аптеку. Захлопнув за нами дверь, он хрипло прошептал:

– Это она! Дочка Олдерсона! И желает видеть тебя. Не Зигфрида, не меня, а тебя – мистера Хэрриота лично!

Несколько секунд он продолжал таращить на меня глаза, но, заметив мою нерешительность, распахнул дверь.

– Какого черта ты торчишь тут? – прошипел он, выталкивая меня в коридор.

– Неловко как-то... Ну, после того раза...

Тристан хлопнул себя ладонью по лбу:

– Господи боже ты мой! Какого черта тебе еще нужно? Она же спросила тебя! Иди туда. Сейчас же!

Но не успел я сделать несколько робких шагов, как он меня остановил:

– Ну-ка погоди! Стой и ни с места! – Он убежал и через пару минут вернулся с белым лабораторным халатом. – Только что из прачечной! – объявил он и принялся запихивать мои руки в жестко накрахмаленные рукава. – Ты чудесно в нем выглядишь, Джим: элегантный молодой хирург перед операцией.

Я побрел по коридору, а Тристан на прощание ободряюще помахал мне рукой и упорхнул по черной лестнице.

Взяв себя в руки, я твердым шагом вошел в приемную. Хелен посмотрела на меня и улыбнулась той же самой открытой, дружеской улыбкой, как и при первой нашей встрече.

– А вот теперь с Дэном плохо, – сказала она. – Он у нас овечий сторож, но мы все так его любим, что считаем членом семьи.

Услышав свое имя, пес завилял хвостом, шагнул ко мне и вдруг взвизгнул. Я нагнулся, погладил его по голове и спросил:

– Он не наступает на заднюю лапу?

– Да. Утром он перепрыгнул через каменную изгородь – и вот! По-моему, что-то серьезное. Он все время держит ее на весу.

– Проведите его по коридору в операционную, и я его осмотрю. Идите с ним вперед: мне надо поглядеть, в каком положении лапа.

Я придержал дверь, пропуская их вперед.

Первые несколько секунд я никак не мог оторвать глаз от Хелен, но, к счастью, коридор оказался достаточно длинным, и у второго поворота мне удалось сосредоточить внимание на моем пациенте.

Нежданная удача – вывих бедра! И лапа кажется короче, и держит он ее под туловищем так, что она только чуть задевает пол.

Я испытывал двойственное чувство. Повреждение, конечно, тяжелое, но зато у меня были все основания надеяться, что я быстро с ним справлюсь и покажу себя в наилучшем свете. Несмотря на мой недолгий опыт, я уже успел убедиться, что удачное вправление вывихнутого бедра всегда очень эффективно. Возможно, мне просто посчастливилось, но во всех тех – правда, немногих – случаях, когда я вправлял такой вывих, хромота животного сразу же исцелялась, словно по волшебству.

В операционной я поднял Дэна на стол. Все время, пока я ощупывал его, он сохранял неподвижность. Сомнений не оставалось никаких: головка бедра сместилась вверх и назад и мой большой палец просто в нее уперся.

Пес оглянулся на меня только один раз – когда я осторожно попробовал согнуть поврежденную лапу, но тут же вновь с решимостью уставился прямо перед собой. О его нервном состоянии свидетельствовало только тяжелое, прерывистое дыхание (он даже чуть приоткрыл пасть), но, как большинство флегматичных животных, попадавших на наш хирургический стол, он покорно смирился с тем, что его ожидало. Впечатление было такое, что он не стал бы особенно возражать, даже если бы я принялся отпиливать ему голову.

– Хороший, ласковый пес, – сказал я. – И к тому же красавец.

Хелен погладила благородную голову с белой полосой, сбегавшей по морде, и хвост медленно качнулся из стороны в сторону.

– Да, – сказала она, – он у нас и работяга, и всеобщий баловень. Дай бог, чтобы повреждение оказалось не слишком серьезным!

– Он вывихнул бедро. Штука неприятная, но, думаю, его почти наверное удастся вправить.

– А что будет, если не удастся?

– Ну, тогда там образуется новый сустав. Несколько недель Дэн будет сильно хромать, и лапа, скорее всего, навсегда останется короче остальных.

– Это было бы очень грустно! – сказала Хелен. – Но вы полагаете, что все может кончиться хорошо?

Я взглянул на смирного пса, который по-прежнему упорно смотрел прямо перед собой.

– Мне кажется, есть все основания надеяться на благополучный исход. Главным образом потому, что вы привезли его сразу, а не стали откладывать и выжидать. С вывихами никогда не следует мешкать.

– Значит, хорошо, что я поторопилась. А когда вы сможете им заняться?

– Прямо сейчас. – Я направился к двери. – Только позову Тристана. Это работа для двоих.

– А можно, я вам помогу? – спросила Хелен. – Мне очень хотелось бы, если вы не возражаете.

– Право, не знаю. – Я с сомнением взглянул на нее. – Ведь это будет что-то вроде перетягивания каната с Дэном в роли каната. Конечно, я дам ему наркоз, но тянуть придется много.

Хелен засмеялась:

– Я же очень сильная. И совсем не трусиха. Видите ли, я привыкла иметь дело с животными и люблю их.

– Отлично, – сказал я. – Наденьте вон тот запасной халат, и приступим.

Пес даже не вздрогнул, когда я ввел иглу ему в вену. Доза нембутала – и его голова почти сразу легла на руку Хелен, а лапы заскользили по гладкой поверхности стола. Вскоре он уже вытянулся на боку в полном оцепенении.

Я не стал извлекать иглу из вены и, поглядев на спящую собаку, объяснил:

– Возможно, придется добавить. Чтобы снять сопротивление мышц, нужен очень глубокий наркоз.

Еще кубик, и Дэн стал дряблым, как тряпичная кукла. Я взялся за вывихнутую лапу и сказал через стол:

– Пожалуйста, сцепите руки у него под здоровым бедром. И постарайтесь удержать его на месте, когда я примусь тянуть. Хорошо? Начинаем.

Просто поразительно, какое требуется усилие, чтобы перевести головку сместившегося бедра через край вертлужной впадины. Правой рукой я непрерывно тянул, а левой одновременно нажимал на головку. Хелен отлично выполняла свою часть работы и, сосредоточенно сложив губы трубочкой, удерживала тело пса на месте.

Наверное, существует какой-то надежный способ вправления таких вывихов – прием, безусловно срабатывающий при первой же попытке, но мне так и не дано было его обнаружить. Успех приходил только после долгой череды проб и ошибок. Не было исключением и этот случай. Я тянул то под одним углом, то под другим, поворачивал и загибал болтающуюся лапу, отгоняя от себя мысль о том, как я буду выглядеть, если именно этот вывих не удастся вправить. И еще я пробовал отгадать, что думает Хелен, которая стоит напротив меня и по-прежнему крепко держит Дэна... и вдруг услышал глухой щелчок. Какой прекрасный, какой желанный звук!

Я раза два согнул и разогнул тазобедренный сустав. Ни малейшего сопротивления! Головка бедра вновь легко поворачивалась в своей впадине.

– Ну вот, – сказал я. – Будем надеяться, что головка снова не выскочит. Иногда такое случается. Но у меня предчувствие, что все обойдется.

Хелен погладила шею и шелковистые уши спящего пса.

– Бедный Дэн! Знай он, что готовит ему судьба, он бы ни за что не стал прыгать через эту изгородь. А скоро он очнется?

– Проспит до вечера. Но к тому времени, когда он начнет приходить в себя, постарайтесь быть при нем, чтобы поддержать его. Не то он может упасть и снова вывихнуть лапу. И пожалуйста, позвоните, чтобы рассказать, как идут дела.

Я взял Дэна на руки, слегка пошатываясь под его тяжестью, вышел с ним в коридор и наткнулся на миссис Холл, которая несла чайный поднос с двумя чашками.

– Я как раз пила чай, мистер Хэрриот, – сказала она. – Ну и подумала, что вы с барышней, наверное, не откажетесь от чашечки.

Я посмотрел на нее пронзительным взглядом. Это что-то новенькое! Неужели она, как и Тристан, взяла на себя роль купидона? Но ее широкоскулое смуглое лицо хранило обычное невозмутимое выражение и ничего мне не сказала.

– Спасибо, миссис Холл. С большим удовольствием. Я только отнесу собаку в машину.

Я прошел к автомобилю Хелен, уложил Дэна на заднее сиденье и закутал его в одеяло. Торчавший наружу нос и закрытые глаза были исполнены тихого спокойствия.

Когда я вошел в гостиную, Хелен уже держала чашку, и мне вспомнилось, как я пил чай в этой комнате с другой девушкой. В тот день, когда приехал в Дарроуби. Но теперь все было совсем иначе.

Во время манипуляций в операционной Хелен стояла совсем близко от меня, и я успел обнаружить, что уголки ее рта чуть-чуть вздернуты, словно она собирается улыбнуться или только что улыбнулась; и еще я заметил, что ласковая синева ее глаз под изогнутыми бровями удивительно гармонирует с темно-каштановым цветом густых волос.

И никаких затруднений с разговором на этот раз не возникло. Возможно, я просто чувствовал себя в своей стихии, – пожалуй, полная раскованность приходит ко мне, только если где-то на заднем плане имеется большое животное; но как бы то ни было, говорил я легко и свободно, как в тот день на холме, когда мы познакомились.

Чайник миссис Холл опустел, последний сухарик был доеден, и только тогда я проводил Хелен к машине и отправился навещать моих пациентов.

И то же ощущение спокойной легкости охватило меня, когда вечером я услышал ее голос в телефонной трубке.

– Дэн проснулся и уже ходит, – сообщила она. – Правда, пошатывается, но на лапу наступает как ни в чем не бывало.

– Прекрасно! Самое трудное уже позади. И я убежден, что все будет в порядке.

Наступила пауза, потом голос в трубке произнес:

– Огромное вам спасибо. Мы все страшно за него беспокоились. Особенно мой младший брат и сестренка. Мы очень, очень вам благодарны.

– Ну что вы! Я сам ужасно рад. Такой чудесный пес! – Я помолчал, собираясь с духом: теперь или никогда! – Помните, мы сегодня говорили про Шотландию. Так я днем проезжал мимо «Плазы»... там идет фильм о Гебридских островах. И я подумал... может быть... мне пришлось в голову... что... э... может быть, вы согласитесь пойти посмотреть его вместе со мной?

Еще пауза, и сердце у меня бешено заколотилось.

– Хорошо, – сказала Хелен. – С большим удовольствием. Когда? Вечером в пятницу? Еще раз спасибо – и до пятницы.

Я повесил трубку дрожащей рукой. Ну почему я всегда делаю из мухи слона? А, да не важно! Она согласилась пойти со мной в кино!

Как часто эффектнейшие исцеления остаются незамеченными, не оцененными по достоинству, но какое чудо, что вывихнутое бедро Дэна посодействовало моим ухаживаниям! Вправление такого вывиха, безусловно, выглядит волшебством, а уж удачнее выбрать момент для этой операции трудно было бы и нарочно. И удивительно, с какой легкостью головка порой встает на свое законное место. Но если ветеринар испытывает глубочайшее удовлетворение, одним быстрым щелчком превращая хромую собаку в здоровую, то ее владелец перед этим переносит настоящий шок, когда верный друг без всякой видимой причины внезапно становится трехногим калекой. И ведь бедро вывихивается так просто! Неудачный прыжок за мячиком. Падение со стула. А какую панику вызывает такая травма!

Тип

Нет, видимо, я все-таки выберусь на шоссе! Мне было чему радоваться – семь часов утра, когда зимний рассвет только-только выбелил восточный край неба, не самое подходящее время, чтобы выкапывать машину из сугроба.

Узкая неогороженная дорога огибала плато, а от нее ответвлялись еще более узкие проселки, ведущие к одиноким фермам. Когда я отправился по ночному вызову – маточное кровотечение у коровы, – снег, собственно, не шел, но крепчающий ветер сметал пушистую поверхность белого одеяла, уже несколько недель укутывавшего вершины холмов. В лучах моих фар закручивались снежные смерчи, длинные, изящные, белые гребни дюйм за дюймом вырастали поперек полосы асфальта.

Именно так начинаются снежные заносы, и, вводя питуитрин, а потом закрывая кровоточащую шейку матки тампоном из чистой простыни, я прикидывал, успею ли выбраться из снежной ловушки.

На обратном пути поперек дороги тянулись уже не изящные гребни, а пухлые диванные валики, и мой автомобильчик преодолевал их, время от времени двигаясь юзом и выписывая зигзаги. Но теперь впереди в бледном свете показалась успокоительно-черная лента шоссе. Еще несколько сотен ярдов – и я там!

Но как раз тут по другую сторону поля замаячил Коут-хаус. Я там лечил бычка, который объелся мороженым турнепсом, – и очередной визит был назначен на этот день. Мне вовсе не улыбалось тащиться сюда еще раз, а окно кухни светилось. Значит, там уже все на ногах. Я свернул и через минуту-другую въехал во двор.

Дверь дома выходила на небольшое крыльцо, где ветер намел у стены ровный двухфутый бугор. Я наклонился над ним, собираясь постучать, как вдруг поверхность бугра дрогнула и заколыхалась. Там под снегом что-то было – что-то большое! Мне стало чуть не по себе, когда в смутном свете из снега возникло мохнатое тело. Видимо, тут от холода укрылся какой-то дикий обитатель холмов... Но ведь таких огромных лисиц не бывает, а звери крупнее здесь будто бы не водятся!

В этот момент дверь распахнулась и свет из кухни заструился на крыльцо. Питер Тренхолм приветственным жестом пригласил меня войти, а из уютной светлой кухни мне улыбнулась его жена. Очень симпатичная молодая пара!

– Кто это? – еле выговорил я, указывая на зверя, который энергично стряхивал снег с косматой шкуры.

– Это? – Питер ухмыльнулся. – Старик Тип, а кто же?

– Тип? Ваш пес? Но зачем он залез в сугроб?

– Да его просто замело. Он же здесь ночует, у задней двери.

Я с недоумением уставился на фермера:

– Как ночует? Каждую ночь под открытым небом?

– Ага, каждую. Летом и зимой. Да не смотрите на меня так, мистер Хэрриот, он это любит. У остальных собак теплые подстилки в коровнике, а Тип от них нос воротит. Ему уже пятнадцать, а спит он тут еще с той поры, как щенком был. Помнится, покойный папаша и так и эдак заманивал его спать под крышей, но он ни в какую.

Я с изумлением посмотрел на старого пса. Теперь я мог рассмотреть его получше. Он был крупнее обычной овчарки и с более длинной шерстью, а чувствовавшаяся в нем неумная энергия никак не вязалась с его пятнадцатью годами. Просто не верилось, что животное, обитающее в этих суровых холмах, по собственному выбору ночует под открытым небом – и с явной пользой для себя. Мне пришлось долго вглядываться, чтобы обнаружить признаки старости. Легкая скованность в походке, пожалуй, какая-то сухость в очертаниях морды и головы,

ну и, конечно, неизбежная мутность в глубине глаз. Однако общим впечатлением была неугасимая жизнерадостность.

Он стряхнул остатки снега, вприпрыжку подскочил к фермеру и раза два гавкнул – правда, несколько надтреснуто. Питер Тренхолм засмеялся:

– Видите? Готов взяться за дело. Тип у нас на работу жаден!

Фермер пошел к службам, а я последовал за ним, спотыкаясь о замерзшие, твердые, как железо, рытвины под снегом и нагибая голову под режущим ветром. До чего приятно было открыть дверь коровника и нырнуть в его тепло!

В длинном помещении находились не только дойные коровы, хотя большую его часть занимали они. С ними соседствовали молодые телки и бычки, а в последнем пустом стойле, глубоко зарывшись в солому, спали собаки. Тут же пристроились и кошки. Да, значит, в коровнике было очень тепло! Среди животных никто так не ценит комфорт, как кошки, и они свернулись в соломе пушистыми клубками, захватив наиболее уютное место возле перегородки, откуда веяло коровьим теплом.

Тип уверенно расхаживал среди своих коллег – молодого пса и суки с тремя полувзрослыми щенками. Сразу было видно, что он тут самый главный.

Мой пациент – один из бычков – выглядел получше. Накануне у него наблюдалась полная атония рубца (первого большого отдела желудка) – естественный результат переполнения мерзлым турнепсом. Его немного раздуло, и он постанывал от неприятных ощущений. Но когда я теперь прижал ухо к его левому боку, то сразу же услышал рокотание почти правильных сокращений рубца вместо вчерашней мертвенной тишины. Промывание желудка, которое я ему устроил, несомненно, сыграло свою благую роль, а еще одно приведет все в окончательный порядок. Я любовно смешивал ингредиенты особенно мне нравившегося снадобья, которое с тех пор успело навсегда исчезнуть в волнах прогресса: унция формалина, полфунта поваренной соли, ковш черной патоки из бочонка, тогдашней обязательной принадлежности большинства коровников. Все это разводилось в двух галлонах горячей воды.

Я вставил деревянный зевник в рот бычка и закрепил его за рогами, Питер ухватил ручки, а я ввел зонд в рубец и накачал в него моего снадобья. Когда я кончил, бычок удивленно вытаращил глаза и затопал задними ногами. Вновь послушав, что у него делается внутри, я разлил успокоительное бульканье содержимого рубца и улыбнулся. Подействовало! Да и когда же оно не действовало?

Вытирая зонд, я услышал звон молочной струи, бьющей в подойник, – брат Питера приступил к утренней дойке, а когда я повернулся, чтобы уйти, он прошел с полным подойником в молочную. Возле собачьего стойла он остановился и налил им в миски парного молока, после чего Тип небрежной походкой отправился туда позавтракать. Пока он лакал, молодой пес попытался присоединиться к нему, но зубы Типа сомкнулись в полудюйме от его носа, и он ретировался к другой миске. Однако я заметил, что старик не стал протестовать, когда из его миски принялись лакать сука и щенки. Кошки – черно-белая, трехцветная и серая – вылезли, потягиваясь, из соломы и подошли поближе в ожидании своей очереди.

Миссис Тренхолм позвала меня в дом выпить чая, и, когда я вышел, было совсем светло. Однако небо затягивали низкие серые тучи, а голые ветки редких деревьев возле дома гнулись под ветром, который налетал долгими ледяными порывами с белых безлюдных просторов вересковых пустошей. Йоркширцы называют такой ветер «узким», а иногда – «ленивым», поскольку он не трудится огибать тебя, а пронизывает насквозь. Мне сразу стало ясно, что на земле нет места лучше табурета возле пылающего очага деревенской кухни. Почти все люди и звери согласились бы со мной – но только не Тип. Он кружил возле Питера, грузившего на тележку тючки сена для бычков и телок в дальних сараях. А когда Питер тряхнул вожжами и жеребчик затрусил со двора, Тип вскочил на тележку.

Укладывая свое снаряжение в багажник, я оглянулся на него: широко расставив лапы, чтобы удерживать равновесие на подпрыгивающей тележке, старый пес помахивал хвостом и вызывающе лаял навстречу ветру и царству холода. Таким я и помню Типа, презревшего изнеживающие удобства и избравшего для своего ночлега самое почетное место – перед порогом своего хозяина.

Милый старина Тип! Такой типичный для тысяч и тысяч закаленных деревенских псов, которые радостно отрабатывают свое содержание среди высоких холмов Северного Йоркшира. Переполненные энергией, крепкие, жилистые. Жирных среди них не увидишь. Изнеживающие удобства, лень, правильное питание не для них – большинство пробавляется кукурузными хлопьями с молоком. Но они пышут здоровьем. Быть может, непрерывная работа в вечном движении чуть-чуть сокращает срок их жизни, но далеко не всегда. Помню двадцатилетнего старичка, который на дрожащих лапах выбирался из конюшни, чтобы встретить меня должным образом. Виляющий хвост показывал, что он все еще радуется жизни. Однако Тип остается единственной известной мне собакой, которая по собственному выбору спала в снегу.

Плакатик над кроватью

Над изголовьем старушки висел плакатик. Он гласил: «Господь близко» – но не был похож на обычные назидательные изречения из Писания – ни рамочки, ни прихотливых завитушек. Нет, это была полоска картона дюймов восьми длиной с самыми простыми буквами, какими пишут «Не курить» или «Выход», небрежно подвешенная к старому газовому рожку так, чтобы мисс Стабс могла посмотреть на нее с подушки и прочесть, что «Господь близко», о чем оповещали крупные черные буквы.

Больше смотреть мисс Стабс было, собственно, не на что. Разве что на изгородь из бирючины сквозь ветхие занавески да на стены загроможденной вещами каморки, составлявшей ее мир вот уже столько лет.

Комнатка находилась на первом этаже дома, возле входной двери, и, направляясь к крыльцу через буйную чащу, которая когда-то была садом, я видел настороженные морды собак, вспрыгнувших на кровать старушки. А в ответ на мой стук отчаянный лай сотрясал домик. Так бывало всегда. В течение года я наезжал туда довольно регулярно, и ритуал оставался неизменным: яростный лай, а затем миссис Бродуит, которая ухаживала за мисс Стабс, выгоняла всех четвероногих обитателей домика в чулан – кроме моего пациента – и открывала дверь. Я входил и видел в углу мисс Стабс на кровати, над которой висел плакатик.

Она лежала так очень давно и знала, что ей уже не встать, но я никогда не слышал от нее жалоб на болезнь или боли – три собаки и две кошки были ее единственной заботой.

Нынче меня вызвали к старику Принцу, а он мне очень не нравился. Вернее, его сердце – такую митральную недостаточность, такие перебои в работе клапана мне редко приходилось слышать. Принц меня уже ждал и радостно помахивал длинным пушистым хвостом.

Этот хвост внушал мне мысль, что в Принце крылась изрядная доля ирландского сеттера, но, ощупывая плотное черно-белое туловище, осматривая косматую голову и острые уши, торчащие, как у немецкой овчарки, я был готов изменить мнение. Мисс Стабс частенько называла его «мистер Хайнц», и, хотя в нем, наверное, не было пятидесяти семи разных кровей, физическая крепость, свойственная полукровкам, пришлась ему очень кстати. Иначе с таким сердцем он отправился бы к праотцам давным-давно.

– Я подумала, что надо бы все-таки вам позвонить, мистер Хэрриот, – сказала миссис Бродуит, симпатичная пожилая вдова с почти квадратным румяным лицом, выглядевшим особенно здоровым по сравнению с сухонькими обострившимися чертами мисс Стабс, обрамленными подушкой. – Он что-то на этой неделе раскашлялся, а утром немножко пошатывался, но ест все еще хорошо.

– Оно и видно! – Я провел рукой по ребрам, укрытым толстым слоем жирка. – Чтобы старина Принц да отвернулся от миски? Для этого уж не знаю, что потребуется!

С подушки донесся смех мисс Стабс, а старый пес шире разинул ухмыляющуюся пасть, словно тоже радуясь шутке. И его глаза заблестели совсем уж весело. Я прижал стетоскоп к его сердцу, заранее зная, что услышу. Здоровое сердце, как нас учили, стучит «лаб-дап, лаб-дап», а сердце Принца стучало «свиш-свуш, свиш-свуш». Ощущение было такое, что при каждом сокращении почти столько же крови выплескивается назад в предсердие, сколько выбрасывается в аорту. И еще одно: по сравнению с прошлым разом это «свиш-свуш» заметно участилось. Он получал дигиталин, но особых результатов это, видимо, не дало.

Я угрюмо передвинул стетоскоп. Как у всех старых собак, хроническая сердечная недостаточность сопровождалась нескончаемым бронхитом, и теперь я без всякого восторга слушал симфонию хрипов, свистов, взвизгов и побулькиваний, которую исполняли легкие Принца. Старый пес стоял, гордо выпрямившись, а хвост его так же медленно реял в воздухе. Когда я

осматривал Принца, он относился к этому как к великой чести; вот и теперь явно получал от всей процедуры большое удовольствие. К счастью, особых болей он не испытывал.

Выпрямившись, я потрепал его по голове, и он тут же попытался упереться лапами мне в грудь, но это ему не вполне удалось, тем не менее, хотя усилие было совсем невелико, ребра его начали судорожно вздыматься, а язык вывалился из пасти. Я ввел ему дигиталин внутримышечно, а потом гидрохлорид морфия – он подчинился с видимым удовольствием, словно это тоже входило в игру.

– Надеюсь, мисс Стабс, уколы успокоят его сердце и дыхание. До конца дня он будет сонным, что тоже должно помочь. Продолжайте давать ему таблетки, и вот микстура от бронхита. – Я достал флакон ипекакуаны с ацетатом аммиака, мою старую палочку-выручалочку.

Теперь началась вторая часть визита: миссис Бродуит принесла мне чашку чая и выпустила остальных четвероногих из чулана. Бен, силихем, и Салли, кокер-спаниель, вступили в состязание с Принцем: кто кого перелает. Кошки, Артур и Сюзи, грациозно последовали за ними и принялись тереться о мои ноги.

Все шло давно заведенным порядком – ведь я выпил уже множество чашек чая с мисс Стабс под сенью плакатика, покачивавшегося у нее над головой.

– Как вы сегодня себя чувствуете? – спросил я.

– О, гораздо лучше, – ответила она и, как обычно, сразу же переменила тему.

Больше всего ей нравилось разговаривать о ее четвероногих друзьях – и нынешних, и всех тех, которые перебивали у нее со времен детства. Она много рассказывала о днях, когда были живы ее близкие. Особенно она любила описывать эскапады трех своих братьев и на этот раз показала мне фотографию, которую миссис Бродуит нашла на дне ящика комода.

Я взял снимок, и с пожелтевшей бумаги мне весело ухмыльнулись трое юношей в штанах по колено и круглых шапочках девятидесятых годов прошлого века. У всех в руках были трубки с длинными чубуками, а прошедшие годы ничуть не угасили веселого лукавства их улыбок.

– Честное слово, мисс Стабс, молодцы как на подбор, – сказал я.

– Да, повесы они были отъявленные! – воскликнула она, откинула голову, засмеялась, и на миг ее лицо просияло от бальзама воспоминаний.

И я вспомнил то, что слышал о ней по соседству: преуспевающий отец семейства, поставленный на широкую ногу большой дом, а затем – неудачное размещение капитала за границей, разорение и полная перемена образа жизни.

– Когда старик помер, от него всего ничего осталось, – поведал мне дряхлый старожил. – Денег там сейчас маловато.

Видимо, только-только, чтобы мисс Стабс и ее питомцы могли более или менее сносно существовать и было чем платить миссис Бродуит. Но о том, чтобы содержать сад в порядке, отремонтировать дом или позволить себе кое-какое баловство, думать не приходилось.

Я пил чай, смотрел на собак, восседавших бок о бок у кровати, на кошек, вольготно расположившихся на ней, и меня вновь охватил страх перед лежавшей на мне ответственностью. Единственным светлым лучом в жизни мужественной старушки была преданная любовь этой мохнатой компании. Беда же заключалась в их тоже преклонном возрасте.

Собственно говоря, тут не так давно сидели четыре собаки, но одна умерла месяца за четыре до этого – совсем уж дряхлый желтый лабрадор. И теперь я присматривал за остальными, а самым молодым среди них было по меньшей мере десять лет.

Бодрости им хватало, но все страдали теми или иными старческими недугами. У Принца – сердце, Салли начала много пить, наводя меня на мысль о гнойном метрите, а Бен худел и худел от нефрита. Заменить ему почки на здоровые я не мог, а на гексаминовые таблетки, которые прописал ему, особой надежды возлагать не приходилось. И еще – когти у него росли так быстро, что мне приходилось постоянно их подстригать.

Кошки внушали меньше опасений, но Сюзи выглядела излишне тощей, и я каждый раз со страхом ощупывал ее пушистый живот, ища симптомы лимфосаркомы. Зато Артур был здоровяком, и мои услуги ему требовались, только когда на его зубах нарастал камень. Видимо, мисс Стабс вспомнила, что он довольно давно не подвергался этой операции, и, когда я поставил чашку, попросила меня осмотреть его. Я подтащил кота к себе по покрывалу и открыл ему рот.

– Да,росло. Раз уж я тут, то сейчас этим и займусь.

Артур был огромным серым холощеным котом, живым опровержением всех теорий, утверждающих, будто кошки по натуре холодны, эгоистичны и так далее. Прекрасные глаза взирали на мир с широкой морды – шире мне видывать не доводилось – с удивительной благожелательностью и терпимостью. Каждое его движение было исполнено неопишемого достоинства.

Едва я начал соскребать камень, как серая грудь загудела от мурлыканья, точно в отделении включили мотор. Мне не нужны были помощники, чтобы держать его. Он сохранял благожелательную неподвижность и дернулся всего один раз, когда я, пытаясь щипцами снять камень с заднего зуба, нечаянно ущипнул десну. Артур небрежно поднял массивную лапу, словно говоря: «Поосторожнее, приятель!» Однако когти так и остались втянутыми.

В следующий раз я приехал еще до истечения месяца. Вечером в шесть часов мне позволила миссис Бродуит: Бен упал и не встает. Я прыгнул в машину и минут через восемь уже пробирался сквозь бурьян в саду, а из окна за мной следили собаки и кошки. Войдя в комнату, я увидел, что старый пес лежит неподвижно на боку рядом с кроватью.

«СДП» – отмечали мы в ежедневнике – «смерть до приезда». Всего три слова, но охватывали они всяческие ситуации: конец коров с послеродовым парезом, бычков с тимпанией, телят в конвульсиях. Нынче же из них следовало, что больше мне уже никогда не подстригать когти Бена.

Больные нефритом нечасто умирают столь внезапно, но в последнее время белок у него в моче достиг грозных цифр.

– Во всяком случае, мисс Стабс, произошло это быстро, и он совсем не мучился.

Мои слова казались неловкими и бесполезными. Старушка полностью владела собой: ни слезинки, и смотрела она с кровати на друга, столько лет разделявшего ее жизнь, непроницаемым взглядом. Надо бы поскорее унести его! Я подсунил одеяло под Бена, взял на руки и уже шагнул к двери, но мисс Стабс остановила меня:

– Подождите немножко.

С трудом повернувшись на бок, она, продолжая смотреть на Бена тем же непроницаемым взглядом, протянула руку и легонько погладила его по голове. Затем спокойно откинулась на подушки, а я торопливо вышел из комнаты.

На кухне миссис Бродуит сказала мне шепотом:

– Я сбегая в деревню, попрошу Фреда Маннерса закопать его. Если у вас есть время, посидите пока с ней. Поговорите о чем-нибудь, ей легче будет.

Я вернулся в комнату и сел возле кровати. Мисс Стабс несколько секунд смотрела в окно, потом обратила глаза на меня.

– Ну вот, мистер Хэрриот. Теперь моя очередь.

– О чем вы?

– Сегодня умер Бен, а следующей буду я. Такое у меня предчувствие.

– Чепуха! Просто вам взгрустнулось. Со всеми нами так бывает.

Но мне стало не по себе. Никогда прежде она об этом не заговаривала.

– Я не боюсь, – продолжала она. – Я знаю, что меня ожидает радость. У меня никогда не было никаких сомнений. – Она замолчала и спокойно обратила взгляд на плакатик под газовым рожком. Я тоже молчал. Потом голова на подушке вновь повернулась ко мне. – Боюсь я только одного... – Ее лицо изменилось так внезапно, словно с него упала маска. Это мужественное

лицо стало почти неузнаваемым, глаза помутнели от ужаса, и она схватила меня за руку. – Мои собаки и кошки, мистер Хэрриот... Я боюсь, что после смерти уже не увижу их, и это меня мучит. Видите ли, я знаю, что воссоединюсь с моими родителями и братьями, но... но...

– Ну и с вашими любимцами, конечно.

– В том-то и дело... – Она покачала головой, не приподняв ее, и впервые я увидел у нее на щеках слезы. – Ведь говорят, что у животных души нет.

– Кто говорит?

– Ну, я читала... И многие верующие в этом убеждены.

– А я убежден в обратном. – И я ласково погладил руку, все еще цеплявшуюся за мою. – Если душа – это способность любить, хранить верность, чувствовать благодарность, то у животных больше шансов на спасение, чем у многих и многих людей. Тут вы можете быть совершенно спокойны.

– Как я надеюсь, что вы правы! Порой я заснуть не могу, все думаю об этом.

– Я знаю, что прав, мисс Стабс, и, пожалуйста, не спорьте со мной. Нам, ветеринарам, читают целый курс о душе животных.

Ужас исчез из ее глаз, и она засмеялась с обычным мужеством.

– Извините, что я не удержалась. Больше я вам этим докучать не буду. Но пока вы еще здесь, скажите, только честно... Мне не надо утешений, я хочу знать правду. Вы еще очень молоды, но можно вас спросить, как верите вы сами? Будут ли мои собаки и кошки со мной?

Она посмотрела мне прямо в глаза. Я передвинул стул и сглотнул.

– Мисс Стабс, боюсь, я не слишком разбираюсь во всем этом. Но в одном я уверен абсолютно. Где будете вы, там будут и они.

Она не отвела взгляда, но он стал совсем спокойным.

– Спасибо, мистер Хэрриот, я знаю, вы говорите со мной честно. Вы в это правда верите?

– Да, верю, – ответил я. – Всем сердцем верю.

Примерно месяц спустя я совершенно случайно узнал, что это был мой последний разговор с мисс Стабс. Когда умирает одинокая бедная старуха, люди не бросаются к вам на улице сообщить эту новость. Фермер, к которому я приехал по вызову, случайно упомянул, что большой дом возле деревни Корби назначен на продажу.

– Но как же мисс Стабс? – спросил я.

– Скончалась скоропостижно недели три назад. Дом, говорят, совсем обветшал. Столько лет его и не красили даже.

– Значит, миссис Бродуит там не останется?

– Да нет. Я вроде слышал, она переселилась в деревню.

– А с собаками и кошками как же? Вы не знаете?

– С какими собаками и кошками?

Я заторопился. Но поехал не домой, хотя время близилось к обеду, а погнал мой несчастный кряхтящий автомобильчик в Корби, выжимая из него все. Там я спросил у первого встречного, где живет миссис Бродуит. Он указал на маленький, но хорошенький дом. Дверь мне открыла сама миссис Бродуит.

– Входите, входите, мистер Хэрриот. Вот спасибо, что заехали.

Я вошел, и мы сели, глядя друг на друга над добела оттертой крышкой стола.

– Отмучилась она, а все равно грустно, – сказала миссис Бродуит.

– Да. Я только сегодня узнал.

– Правда, упокоилась она тихо. Заснула и не проснулась.

– Это хорошо.

Миссис Бродуит обвела взглядом комнату:

– С домом этим мне, можно сказать, повезло. Я всегда хотела такой.

У меня не хватило сил сдержаться.

– А что с собаками и кошками? – выпалил я.

– Так они в саду, – ответила она невозмутимо. – Позади дома. Там места много.

Она встала, открыла дверь, и я с невыразимым облегчением увидел, как в нее входят все мои старые друзья.

Артур мгновенно очутился у меня на коленях, радостно потирая выгнутой спиной мое плечо, а его подвесной мотор вплетал свою мягкую ноту в собачий лай. Принц, помахивая хвостом, то радостно ухмылялся мне, то приветственно тявкал, все так же хрипло.

– Они чудесно выглядят, миссис Бродуит. И надолго они тут?

– Так навсегда же. Они ведь для меня тоже свои, как для нее были, и я с ними ни за что не расстанусь. Пока они живы, их дом тут.

Я посмотрел на типичное лицо йоркширской сельской жительницы, на отвислые щеки, придающие ему угрюмость, и на добрейшие глаза.

– Чудесно! – сказал я. – Но... не будет ли вам... э... трудновато кормить их всех?

– Уж будьте спокойны. У меня на черный день кое-что отложено.

– Ну и отлично. Я буду иногда к вам заглядывать, – мне ведь часто приходится проезжать тут. – Я встал и направился к двери.

Миссис Бродуит остановила меня, подняв ладонь:

– Можно вас об одной вещи попросить, пока они еще не начали готовить там все к продаже? Не заглянули бы вы сейчас туда – забрать лекарства, какие вы им прописывали, – они там, в комнате.

Я взял ключ и поехал в дальний конец деревни. Когда я распахнул ветхую калитку и пошел через бурьян, фасад дома показался мне странно безжизненным – в окне не виднелись собачьи морды. А когда дверь, заскрипев, отворилась, меня окутала тишина, словно тяжелый саван.

Мебель стояла на прежних местах, в углу кровать со скомканными одеялами. Я прошелся по комнате, собирая полупустые пузырьки, баночку с мазью, картонную коробочку с таблетками для Бена, – много пользы они ему принесли!

Когда ничего больше не осталось, я медленно оглядел комнатку. Ведь больше мне здесь не бывать. В дверях я остановился и в последний раз прочел надпись на плакатике, свисавшем с газового рожка над кроватью.

Старики и их любовь к четвероногим друзьям! Мисс Стабс она окутывала тихим сиянием. Мужество и вера этой старушки дарят утешение и надежду. Столько людей писали мне с той же тревогой, которая не оставляла мисс Стабс: «Есть ли у животных душа?» Могу сказать лишь, что я и теперь, как тогда, убежден: ее собаки ушли туда же, куда ушла она. Мучает старики и другая тревога: что станет с их верными друзьями, если сами они умрут раньше их. Кто за ними присмотрит? Попадут ли они в добрые руки? Я знаю по опыту, что такие старики не столько думают о себе, сколько страдают от мысли, что после их смерти их собаки и кошки будут брошены на произвол судьбы. Страх этот не исчезает, но я убедился, что очень часто он оказывается неосновательным. Мы живем в стране, где ценится сострадание, и сколько в ней таких вот миссис Бродуит!

Кланси

Глухое ворчанье, зарождавшееся где-то в самых недрах грудной клетки, зарокотало в моем стетоскопе, и я внезапно с пугающей ясностью осознал, что такого огромного пса мне еще видеть не доводилось. Да, насколько я мог судить по моему довольно бедному опыту, ирландские волкодавы, бесспорно, были выше, а бульмастифы, пожалуй, шире в плечах, но по общим габаритам пальма первенства, несомненно, принадлежала этому устрашающему колоссу по кличке Кланси.

Самая подходящая кличка для собаки ирландца, а Джо Муллиген был ирландцем до мозга костей, хотя и прожил в Йоркшире не один десяток лет. Джо привел Кланси на дневной прием, и, увидев, как косматый пес бредет, заполняя собой коридор, я припомнил, с каким солидным благодушием он сносил веселую назойливость собак помельче, когда мы встречались на лугах вокруг Дарроуби. Ну на редкость смирный, дружелюбный пес!

И вот теперь в могучей глотке kloкотало злое ворчанье, словно отдаленная барабанная дробь, раскатывающаяся по подземной пещере. И по мере того, как стетоскоп продвигался между ребрами, ворчанье становилось все громче, а губы подергивались над грозными клыками, словно их колебал ветер. Вот тут я и осознал не только то, что Кланси – чудовищно крупная собака, но и что я совершенно беззащитен, стоя перед ним на коленях, и мое правое ухо находится совсем рядом с его пастью.

Я поспешно поднялся с колен и убрал стетоскоп в карман, а пес смерил меня холодным взглядом – искоса, даже не повернув головы. Но в самой его неподвижности таилась наводящая ужас угроза. Вообще-то, я не склонен волноваться, когда пациенты огрызаются на меня, но во мне крепла уверенность, что этот огрызаться не будет, а сразу устроит что-нибудь весьма эффективное.

И я слегка отодвинулся.

– Так, какие вы замечали симптомы, мистер Муллиген?

– Что-что? – Джо приставил ладонь к уху.

Я вобрал побольше воздуха в грудь и завопил:

– Что с ним такое?

Старик взглянул на меня с полным недоумением из-под козырька аккуратно надетой кепки и потрогал шарф, завязанный поверх кадыка, а из трубки в самом центре его губ поднялись завитки голубого дыма, словно знаки вопроса.

В памяти всплыли подробности былых недомоганий Кланси, и, шагнув к мистеру Муллигену, я во всю мочь крикнул прямо ему в лицо:

– Его рвет?

Ответ не замедлил себя ждать. Джо облегченно улыбнулся и вынул трубку изо рта.

– Да-да, сэр. Выворачивает его. Сильно выворачивает! – Он явно почувствовал под ногами знакомую почву.

Лечение Кланси всегда велось на расстоянии. В самый первый день, когда я приехал в Дарроуби два года назад, Зигфрид сообщил мне, что этот пес почти эрдель, но ростом с хорошего осла, совершенно здоров, и только его склонность пожирать весь мусор, какой ему попадается, приводила к естественным результатам. Через определенные промежутки времени ему прописывалась большая бутылка микстуры из углекислого висмута. Тогда же я узнал, что Кланси завел от скуки обыкновение валить Джо с ног и трепать, как крысу. Но хозяин все равно его обожал.

Тут во мне заговорила совесть: когда-нибудь же надо провести полный осмотр. Смерить ему температуру, например. Ну что тут такого? Ухвачу хвост, приподниму и введу термометр в задний проход... Пес повернул голову и посмотрел мне в глаза ничего не выражающим взгля-

дом, и я опять услышал глухой барабанный бой, а его верхняя губа чуть вздернулась, обнажив на мгновение белую сверкающую полосу.

– Отлично, мистер Муллиген! – воскликнул я деловито. – Сейчас я дам вам бутылочку микстуры.

В аптеке под рядами бутылей с латинскими названиями и стеклянными притертыми пробками я взболтал микстуру в десятиунциевом флаконе, вдавил в горлышко пробку, приклеил ярлычок и написал обычные указания. Джо с удовлетворенным видом сунул в карман хорошо ему знакомую белую целебную жидкость в столь же привычном сосуде и повернулся к дверям, но тут во мне снова разыгралась совесть.

– Приведите его в четверг в два часа, – крикнул я в ухо старику. – И если можно, не опаздывайте, а то сегодня вы что-то задержались.

Я смотрел, как мистер Муллиген удаляется по улице, а из его трубки вырываются клубы дыма, словно над отходящим от станции паровозом. Позади него вразвалку шагал Кланси, полное воплощение внушительной невозмутимости. Весь в тугих каштановых завитках, он действительно походил на гигантского эрделя.

«В четверг, – задумчиво прикинул я, – в два часа дня». Мы с Хелен, наверное, будем сидеть в кино, как обычно, – ведь вторая половина четверга у меня была выходной.

Утром в пятницу Зигфрид за письменным столом распределял вызовы. Он вырвал из блокнота листок со списком и протянул мне:

– Ну вот, Джеймс. Как раз достаточно, чтобы вы до обеда не слишком бездельничали.

Тут его взгляд скользнул по записям вчерашнего приема, и он обернулся к младшему брату, который, выполняя свою утреннюю обязанность, растапливал камин.

– Тристан, так вчера Джо Муллиген приходил со своим псом и ты его смотрел? Ну и твое заключение?

Тристан поставил ведро с углем на пол:

– Ну, я прописал ему висмутовую микстуру.

– Я понимаю. Но что ты установил, осматривая пациента?

– А-а! – Тристан задумчиво потер подбородок. – Выглядит он прекрасно. Суший живчик.

– И это все?

– Да... собственно говоря.

Зигфрид обернулся ко мне:

– Ну а вы, Джеймс? Вы же смотрели эту собаку позавчера. И что вы у нее нашли?

– Вопрос довольно сложный, – ответил я. – Пес этот ростом с хорошего слона и вообще какой-то жутковатый. Мне все время чудилось, что он только выжидает удобного случая. А кроме старика Джо, удержать его было бы некому. Боюсь, мне не удалось провести полное обследование, но должен сказать, у меня сложилось то же мнение, что и у Тристана. Суший живчик.

Зигфрид устало отложил ручку. Ночью судьба нанесла ему один из тех сокрушительных ударов, которые она приберегает специально для ветеринара: вызов в час ночи, когда он только-только уснул, и вызов в шесть утра, когда он снова только-только уснул. А потому огневая энергия Зигфрида несколько поугасла.

Он провел рукой по глазам:

– Да смилуетса над нами Бог! Вы, Джеймс, дипломированный ветеринарный врач с двух-летним опытом, и ты, Тристан, студент-выпускник, – вы оба сумели обнаружить только одно: что он – суший живчик! Скверно, очень скверно! И вряд ли заслуживает названия клинического диагноза. Когда к нам приводят животное, я жду, что вы запишете его пульс, температуру, частоту дыхания. Проведете аускультацию грудной клетки и пальпацию живота. Откроете ему рот и исследуете зубы, десны и глотку. Проверите состояние кожи. А если потребуется, так возьмете катетером мочу и сделаете ее анализ.

– Хорошо, – сказал я.

– Ладно, – сказал Тристан.

Мой партнер встал из-за стола:

– Ты снова назначил его на прием?

– Да, конечно. – Тристан достал из кармана сигареты. – На понедельник. Но ведь мистер Муллиген всегда опаздывает, и я предупредил его, что мы осмотрим собаку вечером у него дома.

– Ах так! – Зигфрид сделал пометку в блокноте и вдруг вскинул голову. – Но ведь вы с Джеймсом в это время должны быть на собрании молодых фермеров?

Тристан сделал глубокую затяжку.

– Совершенно верно. Для практики очень полезно, чтобы мы почаще встречались с молодыми клиентами.

– Прекрасно, – сказал Зигфрид, направляясь к двери. – Я сам осмотрю собаку.

Утром во вторник я все время ждал, что Зигфрид вот-вот упомянет муллигеновского пса, хотя бы в доказательство того, какую пользу приносит полное клиническое обследование. Но этой темы он не коснулся.

Однако волею судеб, когда я шел через рыночную площадь, мне повстречался мистер Муллиген, которого, естественно, сопровождал Кланси.

Я подошел к старику и крикнул ему в ухо:

– Как ваша собака?

Он извлек трубку изо рта и улыбнулся неторопливо и благодушно.

– А хорошо, сэр, очень хорошо. Выворачивает ее помаленьку, но не так чтобы слишком уж.

– Значит, мистер Фарнон ее подлечил?

– Ага! Дал ей еще белой микстурки. Отличное средство, сэр. Отличное!

– Вот и прекрасно, – сказал я. – И пока обследовал Кланси, он ничего плохого не обнаружил?

Джо пососал трубку.

– Да нет. Уж мистер Фарнон свое дело знает. В жизни не видывал, чтоб человек так живо управлялся.

– Что-что?

– Так ведь он только взглянул – и уже во всем разобрался. Три секунды – и конец делу.

Я был сбит с толку.

– Три секунды?

– Да, – категорично заявил мистер Муллиген. – Ни на секундочку больше.

– Поразительно! И как же это было?

Джо выбил трубку о каблук, не спеша вытащил ножик и принялся отпиливать новую заправку от зловеще-черной полосы прессованного табака.

– Так я же вам толкую: мистер Фарнон – он ведь что твоя молния. Вечером забарабанил в дверь и как прыгнет в комнату! (Мне были хорошо известны эти домишки: ни коридорчика, ни даже прихожей – дверь с улицы открывалась прямо в жилую комнату.) Входит, а сам уже градусник вытаскивает. А Кланси, значит, полеживал у огня, ну и вскочил, да и гавкнул маленько.

– Маленько гавкнул? – Я прямо-таки увидел, как косматое чудовище взлетает в воздух и лает в лицо Зигфриду – пасть разинута, клыки сверкают.

– Ага! Гавкнул маленько. А мистер Фарнон спрятал градусник в футляр, повернулся и вышел в дверь.

– И ничего не сказал?

– Ни единого словечка. Повернулся, значит, как солдат на параде и – марш-марш за дверь. Вот так-то.

Это походило на правду. Решения Зигфрид умел принимать мгновенно. Я протянул было руку, чтобы погладить Кланси, но что-то в его глазах удержало меня от такой фамильярности.

– Ну, я рад, что ему полегчало! – прокричал я.

Старик раскурил трубку с помощью старой латунной зажигалки, выпустил облачко едкого сизого дыма прямо мне в лицо и закрыл чашечку медной крышкой.

– Ага. Мистер Фарнон прислал большую бутылочку белой микстурки, и ему живо полегчало. Да что уж там! – Он улыбнулся благодатной улыбкой. – Кланси всегда ж маленько, а выворачивает. Уж он такой.

Более недели пес-великан в Скелдейл-хаусе не упоминался, но, видимо, профессиональная совесть грызла Зигфрида. Во всяком случае, он как-то днем заглянул в аптеку, где мы с Тристаном занимались делом, ныне отошедшим в область преданий, – изготавливали жаропонижающие микстуры, слабительные порошки, пессарии из борной кислоты, – и сказал с величайшей небрежностью:

– Да, кстати! Я послал письмо Джо Муллигену. Все-таки я не вполне убежден, что мы исследовали его собаку в надлежащей мере. Вывора... э... рвота почти наверное объясняется неразборчивым обжорством, но тем не менее я хотел бы удостовериться в этом точно. А потому попросил его зайти завтра с собакой до половины третьего, когда мы все будем здесь. – Радостных воплей не последовало, и он продолжал: – Пес этот, пожалуй, в какой-то степени нелегкое животное, а потому нам надо все рассчитать заранее. – Он посмотрел на меня. – Джеймс, когда его приведут, вы будете опекать его сзади, хорошо?

– Хорошо, – ответил я без всякого восторга.

Зигфрид впился глазами в брата.

– А тебе, Тристан, поручим голову, договорились?

– Отлично, отлично, – буркнул Тристан, храня непроницаемое выражение, а его брат продолжал:

– Ты покрепче обхвати его обеими руками за шею, а я уже буду готов ввести ему снотворное.

– Прекрасно, прекрасно, – сказал Тристан.

– Ну вот и чудесно! – Мой партнер потерял руки. – Как только я его уколою, остальное будет просто. Я не люблю оставлять что-то невыясненным.

В Дарроуби практика в целом была типично деревенской – лечили мы больше крупных животных, а потому в приемной пациентов обычно бывало немного. Но на следующий день после двух в ней вообще не оказалось никого, и ожидание из-за этого стало почти невыносимым. Мы все трое слонялись из комнаты в комнату, заводили разговоры ни о чем, с подчеркнутым равнодушием поглядывали в окно на улицу, что-то про себя насвистывали. Ближе к половине третьего мы окончательно смолкли. Следующие пять минут мы через каждые несколько секунд подносили часы к глазам, и ровно в половине третьего Зигфрид нарушил молчание:

– Черт знает что! Я предупредил Джо, чтобы он пришел до половины третьего, а он даже внимания не обратил. Он вечно опаздывает, и, по-видимому, добиться от него пунктуальности невозможно. И очень хорошо: ждать дольше у нас времени нет. Нам с вами, Джеймс, пора ехать оперировать жеребенка, а за тобой, Тристан, записана корова Уилсона. Ну, в путь!

До той минуты я был убежден, что в дверях застревают только кинокомики, но тут выяснилось, что мы вполне могли бы с ними соперничать: во всяком случае, в коридор мы вывалились все вместе. Несколько секунд спустя мы были уже во дворе, и Тристан, рыча мотором, унесся прочь в синем облаке выхлопных газов. А мы с Зигфридом лишь чуть медленнее умчались в противоположном направлении.

Когда с улицы Тренгейт мы свернули на рыночную площадь, я обвел ее быстрым взглядом, но мистера Муллигена нигде не обнаружил. Увидели мы его на самом выезде из городка.

Он только-только вышел из дома и неторопливо брел по тротуару, окутанный сизым дымом, а Кланси, как обычно, трусил чуть позади.

– Вон он! – воскликнул Зигфрид. – Нет, вы поглядите на него! С такими темпами он доберется до приемной не раньше трех. И никого там не найдет. Но он сам виноват. – Тут он оглянулся на огромного курчавого пса, просто излучавшего здоровье и энергию. – Впрочем, мы только потратили бы время впустую, обследуя эту псину. Ничем он не болен.

Зигфрид немного помолчал, глубоко задумавшись, а потом повернулся ко мне:

– Суший живчик, ведь верно?

Самые разные собаки могут оказаться опасными, но Кланси, с его тихой свирепостью, остается для меня единственным в своем роде. Да и Джо Муллиген был по-своему неподражаем. Его любимое словечко прямо-таки въелось мне в память, и по сей день, осматривая собаку с расстройством пищеварения, я с трудом удерживаюсь, чтобы не спросить: «И сильно ее выворачивает?»

Миссис Донован

Седовласый джентльмен с приятным лицом не походил на холерика, однако глядел на меня с яростью, а губы его подергивались от возмущения.

– Мистер Хэрриот, – сказал он, – я намерен подать на вас жалобу. Из-за вас моя собака терпит лишние страдания, и мириться с этим я не собираюсь!

– Страдания? Какие?

– Вы прекрасно знаете – какие, мистер Хэрриот! Несколько дней назад я приводил ее к вам, и я имею в виду ваше лечение.

Я кивнул:

– Да, я помню... Но при чем тут страдания?

– Так ведь бедный пес волочит лапу, и знающий человек объяснил мне, что это несомненный перелом и следует немедленно наложить гипс! – Старик свирепо выставил подбородок.

– Вы напрасно тревожитесь, – сказал я. – У вашей собаки паралич нерва, вызванный ударом по спине. Если вы будете терпеливо выполнять все мои указания, ей мало-помалу станет лучше. Собственно, я почти не сомневаюсь, что выздоровление будет полным.

– Но лапа же болтается!

– Я знаю. Это типичный симптом, и неспециалисту вполне может показаться, будто лапа сломана. Ведь боли ваш пес не испытывает?

– Нет... По его поведению этого не скажешь. Но она была так уверена! Непоколебимо.

– Она?

– Да. Эта дама удивительно хорошо понимает животных и зашла узнать, не может ли она помочь выхаживать моего пса. И принесла чудесные укрепляющие порошки.

– А! – Пронзительный луч света рассеял туман в моем мозгу. Все стало совершенно ясно. – Уж не миссис ли Донован?

– Э... да. Совершенно верно.

Миссис Донован была вездесуща. Что бы ни происходило в Дарроуби – свадьбы, похороны, распродажи, – в толпе зрителей обязательно стояла эта низенькая толстая старуха, и черные глазки-пуговицы на смуглом лице бегали по сторонам, ничего не упуская. И обязательно рядом с ней на поводке – ее терьер.

«Старуха» – это больше моя догадка. Она, казалось, не имела возраста, и, хотя жила в городе словно бы всегда, лет ей могло быть и семьдесят пять, и пятьдесят пять. Во всяком случае, ее энергии хватило бы на двух молодых женщин: ведь в неукротимом желании быть в курсе всех городских событий она, несомненно, покрывала пешком огромные расстояния. Многие люди называли ее неутолимое любопытство не слишком лестными словами; но каковы бы ни были ее побуждения, она так или иначе соприкасалась со всеми сферами городской жизни. И одной из этих сфер была наша ветеринарная практика.

Ведь миссис Донован при широте своих интересов была и врачевательницей животных. Можно даже смело сказать, что эта деятельность занимала в ее жизни главное место.

Она могла прочесть целую лекцию о болезнях собак и кошек и располагала огромным арсеналом всяческих снадобий и зелий, особенно гордясь своими чудотворными укрепляющими порошками и жидким мылом, волшебным улучшающим шерсть. На больных животных у нее был просто особый нюх, и во время объездов я довольно часто обнаруживал следующую картину: над пациентом, к которому меня вызвали, низко наклоняется темное цыганское лицо миссис Донован – она кормит его студнем или пичкает каким-то целительным средством собственного изготовления.

Терпеть от нее мне приходилось больше, чем Зигфриду, потому что лечением мелких животных занимался в основном я. И миссис Донован отнюдь не способствовала осуществле-

нию моей заветной цели – стать настоящим уважаемым специалистом именно в этой области. «Молодой мистер Хэрриот, – доверительно сообщала она моим клиентам, – коров, там, или лошадей пользует совсем неплохо, вот только про кошек и собак он ничегошеньки не знает».

Разумеется, они ей свято верили и во всем на нее полагались. Она обладала неотразимым мистическим обаянием самоучки, а к тому же – что в Дарроуби ценилось очень высоко – никогда не брала денег ни за советы, ни за лекарства, ни за долгие часы усердной возни с четвероногим страдальцем.

Старожилы рассказывали, что ее муж, батрак-ирландец, умер много лет назад, но, видно, успел отложить кое-что на черный день, ведь миссис Донован живет, как ей хочется, и вроде бы не бедствует. Сам я часто встречал ее на улицах Дарроуби – место постоянного ее пребывания, – и она всегда ласково мне улыбалась и торопилась сообщить, что всю ночь просидела с песиком миссис Имярек, которого я смотрел. Сдается ей, она его вызволит.

Но на ее лице не было улыбки, когда она вбежала в приемную. Мы с Зигфридом пили чай.

– Мистер Хэрриот, – еле выговорила она, задыхаясь, – вы не подъедете? Мою собачку переехали.

Я выскочил из-за стола и побежал с ней к машине. Она села рядом со мной, понурился голову и судорожно сжав руки на коленях.

– Вывернулся из ошейника и прыгнул прямо под колеса, – бормотала она. – Лежит на Клиффенд-роуд напротив школы. А побыстрее нельзя?

Через три минуты мы были на месте, но, еще нагибаясь над распростертым на тротуаре запыленным тельцем, я понял, что сделать ничего невозможно. Стеклeneющие глаза, прерывистое, еле слышное дыхание, бледность слизистых оболочек – все говорило об одном.

– Я отвезу его к нам, миссис Донован, и сделаю вливание физиологического раствора, – сказал я. – Но боюсь, у него очень сильное внутреннее кровоизлияние. Вы успели увидеть, что, собственно, произошло?

Она всхлипнула:

– Да. Его переехало колесо.

Стопроцентно – разрыв печени. Я подсунул ладони под песика и осторожно приподнял его, но в ту же секунду дыхание остановилось, глаза неподвижно уставились в одну точку.

Миссис Донован упала на колени и начала поглаживать жесткую шерсть на голове и груди терьера.

– Он умер? – прошептала она наконец.

– Боюсь, да.

Она медленно поднялась с колен и стояла среди прохожих, задержавшихся взглянуть, что произошло. Ее губы шевелились, но, казалось, она была не в силах произнести ни слова.

Я взял ее за локоть, отвел к машине и открыл дверцу.

– Садитесь. Я отвезу вас домой, – сказал я. – Предоставьте все мне.

Я завернул песика в свой комбинезон и положил в багажник. Когда мы остановились перед дверью миссис Донован, она тихо заплакала. Я молча ждал, пока она выплачется. Утерев глаза, она повернулась ко мне:

– Ему было очень больно?

– Убежден, что нет. Все ведь произошло мгновенно. Он не успел ничего почувствовать.

Она жалко улыбнулась:

– Бедняжка Рекс. Просто не понимаю, как я буду без него. Вы же знаете, мы с ним не одну милю прошли вместе.

– Да, конечно. У него была чудесная жизнь, миссис Донован. И разрешите дать вам совет: заведите другую собаку. Иначе вам будет слишком тяжело.

Она покачала головой:

– Нет. Не смогу. Я его очень любила, моего песика. И вдруг заведу себе другого?

– Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. И все-таки подумайте. Не считайте меня бессердечным. Я всегда советую так тем, кто лишился четвероногого друга. И знаю, что это здравый совет.

– Мистер Хэрриот, другой собаки у меня не будет! – Она опять решительно покачала головой. – Рекс много лет был моим верным другом, и я хочу помнить его всегда. А потому больше никакой собаки не заведу.

После этого я часто видел миссис Донован на улицах и был рад, что ей удалось сохранить свою кипучую энергию, хотя без собаки на поводке она выглядела как-то сиротливо. Но пожалуй, прошло больше месяца, прежде чем нам довелось поговорить.

Как-то днем мне позвонил инспектор Холлидей из Общества защиты животных от жестокого обращения.

– Мистер Хэрриот, – сказал он, – вы не поехали бы со мной? Наш случай.

– Хорошо. Но в чем дело?

– Да собака. Бог знает что! Совершенно невозможные условия.

Он продиктовал мне адрес одного из кирпичных домишек у реки и сказал, что встретит меня там.

Когда я остановил машину в узком проулке позади домов, Холлидей уже ждал меня – деловитый, подтянутый, в темной форме. Это был крупный блондин с веселыми голубыми глазами, но теперь он даже не улыбнулся мне.

– Она там, – сказал он сразу и направился к одной из дверей в длинной выщербленной стене.

Возле собралась кучка любопытных, и я с ощущением неизбежности узнал темное цыганское лицо. «Уж конечно, – подумал я, – без миссис Донован дело никак обойтись не может!»

Мы вошли в дверь и оказались в длинном саду. В Дарроуби даже позади самых скромных лачужек были длинные участки, словно строители считали само собой разумеющимся, что поселятся в них люди, перебравшиеся в город из сельской местности и сохраняющие тягу к земле, которые будут выращивать свои овощи и фрукты, а может быть, и содержать кое-какую живность. Совсем не редкостью было увидеть там поросенка, парочку-другую кур, а часто – и яркие клумбы.

Но этот участок был запущен. Из могучего бурьяна поднималось несколько корявых яблонь и слив, словно никогда не знавших заботливых человеческих рук.

Холлидей направился к ветхому сарайчику с облупившейся краской и проржавевшей крышей. Он вынул ключ, отпер навесной замок и с некоторым усилием приоткрыл дверь. Оконца в сарае не было, и я не сразу рассмотрел, какой хлам в нем хранился: сломанные грабли и лопата, видевший лучшие дни бельевого каток, груда цветочных горшков, ряды открытых банок с краской. И в самой глубине тихо сидела собака.

Я не сразу ее разглядел – и потому, что в сарае было темно, и потому, что в нос мне ударил запах, из-за которого я раскашлялся. Но, войдя внутрь, я увидел крупного пса, сидевшего очень прямо. На нем был ошейник с цепью, прикованной к кольцу в стене. Мне доводилось видеть исхудалых собак, но при виде этой я невольно вспомнил учебники по анатомии – с такой жуткой четкостью вырисовывались кости морды, грудной клетки и таза. Глубокая впадина в земляном полу показывала, где он лежал, двигался – короче говоря, жил – в течение довольно долгого времени.

Вид его меня настолько ошеломил, что я не сразу заметил грязные обрывки мешковины рядом с ним и миску с затхлой водой.

– Вы взгляните на его задние лапы! – буркнул Холлидей.

Я осторожно приподнял пса и понял, что вонь в сарае объяснялась не только кучками экскрементов. Задние лапы представляли собой сплошную гноящуюся язву с болтающимися

полосками отмирающих тканей. Язвы покрывали грудь и ребра. Шерсть, по-видимому тускло-золотистая, свалилась и почернела от грязи.

Инспектор сказал:

– По-моему, он вообще все время тут. Он же еще почти щенок – ему около года, – но, насколько мне удалось установить, он безвыходно живет в этом сарае с двухмесячного возраста. Кто-то, проходя задами, услышал, как он скулит, не то мы бы его не обнаружили.

У меня сжало горло, меня затошнило – но не от вони. От мысли, что этот терпеливый пес сидел, голодный и забытый, в темноте и нечистотах целый год. Я посмотрел на него и встретил взгляд, в котором не было ничего, кроме тихой доверчивости. Одни собаки, попав в такое положение, принялись бы иступленно лаять, так что их скоро выручили бы, другие стали бы трусливыми и злобными, но этот пес был из тех, кто ничего не требует, кто беззаветно верит людям и принимает от них все, не жалуясь. Ну разве что он иногда поскуливал, сидя в черной пустоте, которая была всем его миром, и тоскливо не понимал, что все это означает.

– Во всяком случае, инспектор, – сказал я, – хорошо уж, что виновника вы привлечете к ответственности!

– Тут мало что можно сделать, – угрюмо ответил Холлидей. – Невменяемость! Хозяин явно слабоумен и отчета в своих поступках не отдает. Живет со старухой-матерью, которая тоже плохо понимает, что вокруг происходит. Я видел этого субъекта и выяснил, что он бросал псу какие-нибудь объедки, когда считал нужным, и этим все ограничивалось. На него, конечно, наложат штраф и запретят ему в дальнейшем держать животных, но и только.

– Понимаю. – Я протянул руку и погладил пса по голове, а он тотчас откликнулся на ласку, положив лапу мне на запястье. В его попытке сидеть прямо было какое-то трогательное достоинство, спокойные глаза смотрели на меня дружелюбно и без страха. – Ну, вы дадите мне знать, если мои показания потребуются в суде.

– Да, конечно. И спасибо, что приехали. – Холлидей нерешительно помолчал. – А теперь, полагаю, вы сочтете, что беднягу надо поскорее избавить от страданий.

Я задумался, продолжая поглаживать голову и уши.

– Да... пожалуй, другого выхода нет. Кто же его возьмет в таком состоянии? Так будет гуманнее всего. Но все-таки откройте дверь пошире: надо осмотреть его как следует.

В более ярком свете я увидел отличные зубы, стройные лапы, с золотистой бахромкой шерсть. Я приложил стетоскоп к его груди, и, пока в моих ушах раздавался размеренный, сильный стук его сердца, он снова положил лапу мне на руку. Я обернулся к Холлидею:

– Вы знаете, инспектор, внутри этого грязного мешка костей прячется прекрасный, здоровый лабрадор-ретривер. Если бы можно было найти другой выход!

Тут я заметил, что в дверном проеме рядом с инспектором стоит еще кто-то. Из-за его широкой спины в собаку внимательно вглядывалась пара черных блестящих глаз. Прочие зеваки остались в проулке, но миссис Донован со своим любопытством совладать не сумела. Я продолжал говорить, словно ее тут не было:

– Этого пса, как вы понимаете, совершенно необходимо было бы вымыть хорошим жидким мылом и расчесать свалившуюся шерсть.

– А? – растерянно спросил Холлидей.

– Да-да! И ему было бы крайне полезно некоторое время получать сильнодействующие укрепляющие порошки!

– О чем вы говорите? – Инспектор явно чувствовал себя в тупике.

– Тут никаких сомнений нет, – ответил я. – Иначе его не вызволить. Но только где их найти? То есть достаточно сильнодействующие средства! – Я вздохнул и выпрямился. – Но что поделаешь! Другого, видимо, ничего не остается. Я сейчас же его и усыплю. Погодите, пока я схожу к машине за всем необходимым.

Когда я вернулся в сарай, миссис Донован уже проникла внутрь и внимательно осматривала пса, не слушая робких возражений инспектора.

– Вы только посмотрите! – воскликнула она взволнованно, указывая на выцарапанные на ошейнике буквы. – Его зовут Рой! – Она улыбнулась мне. – Почти как Рекс, правда ведь?

– А знаете, миссис Донован, вы совершенно правы. Действительно, похожие клички. Рекс – Рой... Особенно в ваших устах. – Я решительно кивнул.

Она помолчала, видимо под влиянием какого-то сильного чувства, и вдруг быстро спросила:

– Можно, я его возьму? Уж я его вылечу. Я знаю как! Можно? Ну пожалуйста!

– Собственно говоря, – сказал я, – решает инспектор. Разрешение надо просить у него.

Холлидей поглядел на нее с недоумением, сказал: «Извините, сударыня», – и отвел меня в сторону. Мы остановились в густом бурьяне.

– Мистер Хэрриот, – сказал он вполголоса, – я не совсем понимаю, что происходит, но не могу отдать животное в подобном состоянии в первые попавшиеся руки. Мало ли какая это может быть прихоть. Бедняга и так уже настрадался. Я не могу рисковать. Она не производит впечатления...

Я перебил его:

– Поверьте, инспектор, вы можете быть абсолютно спокойны. Она, бесспорно, старая чудачка, но сюда ее послал сам Бог, не иначе. Если кто-нибудь в Дарроуби и способен вернуть эту собаку к жизни, то только она.

Холлидей смотрел на меня с прежним сомнением:

– Но я все-таки не понимаю. При чем тут жидкое мыло и укрепляющие порошки?

– А, ерунда! Я вам объясню как-нибудь в другой раз. Конечно, ему нужны хорошее и обильное питание, и еще заботы, и еще любовь. И все это ему обеспечено. Поверьте мне.

– Ну хорошо. Если вы ручаетесь... – Холлидей умолк, несколько секунд смотрел на меня, потом повернулся и пошел к сараю, где изнывала от нетерпения миссис Донован.

Прежде мне не приходилось специально высматривать миссис Донован: она сама постоянно попадалась мне на глаза; но теперь я день за днем тщетно обшаривал взглядом улицы Дарроуби – ее нигде не было. Когда Гоббер Ньюхаус напился и решительно направил свой велосипед на барьер, огораживающий траншею для водопроводных труб, я с беспокойством обнаружил, что в толпе зевак, следивших за тем, как землекопы и двое полицейских пытаются извлечь его из десятифутовой ямы, миссис Донован отсутствует. Не оказалось ее и среди зрителей, когда пожарная машина примчалась вечером к закусочной, где вспыхнул жир, в котором жарилась картофельная соломка. И меня охватила тревога.

Не следует ли мне заехать посмотреть, как она справляется с псом? Да, разумеется, я удалил омертвевшую ткань и обработал язвы, прежде чем она его увела, но, возможно, ему требовалось серьезное лечение? Правда, я тогда был совершенно убежден, что пса надо только извлечь из этого ужасного сарая, хорошенько вымыть и сытно кормить – и природа сделает все остальное. Да и в вопросах лечения животных я доверял миссис Донован заметно больше, чем она мне. Ну не мог же я настолько ошибаться!

Прошло примерно около трех недель, и я уже совсем решил заехать к ней, но вдруг увидел утром, как она энергично семенит по другой стороне рыночной площади, заглядывая во все витрины точно так же, как прежде. Но только теперь она вела на поводке большого золотистого пса.

Я повернул машину и, трясаясь по булыжнику, подъехал к ней. Увидев, как я вылезаю из машины, она остановилась и лукаво улыбнулась, но ничего не сказала и продолжала молчать, пока я осматривал Роя. Он все еще был довольно тощим, но выглядел бодрым и счастливым, язвы почти совсем затянулись, а его шерсть блистала чистотой. Теперь я понял, куда запропа-

стилась миссис Донован: все это время она мыла, расчесывала, распутывала слипшиеся колтуны и теперь могла похвастать результатом.

Когда я распрямился, ее пальцы сжали мне запястье с неожиданной силой и она поглядела мне прямо в глаза.

– Ну, мистер Хэрриот, – сказала она, – я ведь подлечила эту собачку, а?

– Вы сотворили чудеса, миссис Донован, – ответил я. – И не пожалели на него вашего замечательного жидкого мыла, верно?

Она засмеялась и пошла дальше. С этого дня я постоянно видел эту пару то там, то тут, но всегда издали, и снова поговорить с миссис Донован мне довелось только месяца через два. Она проходила мимо нашей приемной как раз тогда, когда я спускался по ступенькам, и снова стиснула мое запястье.

– Ну, мистер Хэрриот, – произнесла она ту же фразу, – я ведь подлечила эту собачку, а?

Я поглядел на Роя с почтительным благоговением. За это время он подрос, налился силой, и его шерсть, уже не тусклая, лежала пышными золотыми волнами на спине и ребрах, покрытых тугими мышцами. На шее сверкал металлическими кнопками новенький ошейник, а на диво пушистый хвост мягко колыхал воздух. Передо мной был великолепнейший лабрадор-ретривер во всей своей красе. Тут он встал на задние лапы, передние положил мне на грудь и посмотрел мне прямо в лицо. И в его глазах я увидел ту же ласковую доверчивость, с какой они глядели на меня в гнусном темном сарае.

– Миссис Донован, – сказал я негромко, – это самая красивая собака во всем Йоркшире. – И, зная, что ей хочется услышать, добавил: – Да, ваши укрепляющие порошки бесспорно творят чудеса. Что вы в них намешиваете?

– Секреты мои выведать вздумали! – Она выпрямилась с кокетливой улыбкой. И действительно, давно уже она не была так близка к тому, чтобы ее звонко расцеловали.

Пожалуй, можно сказать, что так для Роя началась вторая его жизнь. Год за годом я размышлял над благодетельным капризом судьбы, благодаря которому пес, прошедший первый год жизни без ласки, никому не нужный, недоуменно глядя в неизменный вонючий сумрак, вдруг в мгновение ока перенесся в жизнь, полную света, движения, любви. Я был убежден, что с этой минуты Рою могла бы позавидовать любая самая избалованная собака.

Теперь он уже не пробавлялся редкими черствыми корками, а получал отличное мясо, галеты, мозговые кости и миску теплого молока на ночь. И развлечений у него тоже было вдосталь: праздники на открытом воздухе, школьные спортивные состязания, выселения, шествия, – среди зрителей обязательно присутствовал и он. Я с удовольствием замечал, что с годами миссис Донован ежедневно проходила даже больше миль, чем прежде. Расходы ее на подметки, должно быть, превышали всякое вероятие, но для Роя такой образ жизни был идеален, долгая утренняя прогулка, возвращение домой, чтобы перекусить, – и снова кружение по улицам.

Впрочем, миссис Донован в своих обходах не ограничивалась только городком. На длинном лугу у реки были вкопаны скамьи, и туда люди приводили собак, чтобы дать им хорошенько набегаться. Миссис Донован частенько сживалась там на скамье, наблюдая, что происходит вокруг, и узнавая последние новости. Я нередко видел, как Рой величавым галопом носился по этому лугу в компании всевозможных собак и собачек, а когда останавливался отдохнуть, кто-нибудь обязательно принимался гладить его, похлопывать по спине или просто вслух восхищаться им. Ведь красота в нем сочеталась с большой симпатией к людям, а такое сочетание делало его совершенно неотразимым.

Весь город знал, что его хозяйка обзавелась целым набором всяческих гребней, щеток и щеточек для ухода за его шерстью. Поговаривали даже, что среди них есть и особая зубная щетка. Такую возможность я не исключаю, но одно знаю твердо: подрезать когти ему не требовалось – при такой подвижной жизни они, конечно, стачивались именно так, как следовало.

Не проиграла и миссис Донован: круглые сутки рядом с ней был преданный друг и спутник. Главное же в том, что она всегда испытывала неодолимую потребность лечить и исцелять животных, и спасение Роя в некотором смысле явилось кульминацией ее чаяний, высочайшим торжеством, память о котором никогда не приедалась.

Я убедился в этом много лет спустя, сидя у боковой линии во время крикетного матча, когда, обернувшись, увидел их: старушку с рыскающими по сторонам глазами и Роя, благодушно взирающего на поле и, видимо, получающего живейшее удовольствие от всех перипетий игры. Когда матч кончился и зрители начали расходиться, я снова посмотрел на них. Рою было уже лет двенадцать, и лишь один Бог знал, какого возраста достигла миссис Донован, но крупный золотистый пес трусил легкой свободной рысцой, а его хозяйка, пожалуй немного согнувшаяся и ссохшаяся, семенила за ним почти столь же легкой походкой.

Заметив меня, она подошла, и я ощутил на запястье знакомое сильное пожатие.

– Мистер Хэрриот... – начала она, и темные цепкие глаза засияли той же жаркой гордостью, тем же неугасимым торжеством, что и много лет назад. – Мистер Хэрриот, я ведь подлечила эту собачку, а?

Самоотверженная заботливость, с какой миссис Донован выхаживала Роя, была вознаграждена долгими годами его преданности и верности – ведь Рой, несмотря на такое тяжелое вступление в жизнь, умер в глубокой старости. После его смерти миссис Донован поселилась в доме для престарелых в нашем городке. Я всегда старался замаскировывать моих персонажей, но она узнала себя и очень радовалась. Ее переполняла гордость, что она попала в мою книгу. Спасение Роя, чудесное преображение и его внешности, и всего его существования остаются одним из теплейших моих воспоминаний. Ну и конечно, победа целительницы-самоучки придает всему особую прелесть.

Дарроубийская выставка

– Не хотите ли понаблюдать за Дарроубийской выставкой, Джеймс? – Зигфрид бросил прочитанное письмо на стол и повернулся ко мне.

– Я не прочь, но ведь они всегда приглашают вас?

– Да, но в письме сообщается, что дата перенесена, а я как раз на эти дни уезжаю.

– А! Ну прекрасно. А что мне надо будет делать?

Зигфрид уже проглядывал список вызовов.

– В сущности, чистейшей воды синекура. Практически день приятного отдыха. Вам надо будет измерять пони и быть под рукой на случай, если какое-нибудь животное получит травму. Вот примерно и все. Ах да! Еще вам предстоит судить «любимцев семьи».

– Любимцев семьи?

– Ну да. Они устраивают настоящую выставку собак, но судить ее участников приглашается специалист. А это – больше для развлечения – любые зверюшки и пичужки. Вы должны будете присудить первое, второе и третье места.

– Ясно, – сказал я. – По-моему, мне это более или менее по силам.

– Чудесно! – Зигфрид протянул мне конверт. – Вот квитанция для автостоянки, обеденные билеты для вас и приятеля, если решите взять с собой кого-нибудь, а также значок ветеринара. Вот и хорошо.

Погода в субботу, когда открывалась выставка, должна была привести устроителей в восторг: синие небеса без единого облачка, почти полное безветрие и знойное солнце – порядочная редкость на севере Йоркшира.

Подъезжая к выставке, я наслаждался соприкосновением с полными жизни картинами и сценами, словно взятыми из книг о Старой Англии: пестрые шары и навесы на ярко-зеленом лугу у реки, женщины и дети в ярких летних нарядах, коровы и быки в сопровождении облаченных в комбинезоны скотников, массивные рабочие лошади, неторопливо шагающие по кругу.

Я оставил машину на стоянке и направился к шатру устроителей – флаг над ним обвисал безжизненной тряпкой. Тут Тристан меня покинул: с безошибочным инстинктом бедного студента, не упускающего случая бесплатно угоститься и поразвлечься, он забрал все мои дополнительные билеты и теперь устремился к пивной палатке. Я вошел в шатер доложить о себе секретарю комитета.

Оставив там свою измерительную линейку, я отправился побродить по выставке.

На сельских выставках полно всякой всячины на все вкусы. Галопом проносились верховые лошади всевозможных пород – от пони до гунтеров, а на одном кругу судьи заботливо осматривали кобыл с жеребятами – прелестными сосунками.

В стороне четверо мужчин, вооруженных ведрами и швабрами, мыли и чистили бычков, сосредоточенно, точно модные парикмахеры, расчесывая и подвивая шерсть на крупах.

Я свернул к ларькам – полюбоваться редкостным обилием земных плодов, от связок ревеня до пучков лука, не говоря уж о букетах, вышивках, джемах, кексах, пирогах. А детский отдел! Картина «Пляж в Скарборо» – Энни Хеселтайн, девять лет; каллиграфически выведенные чуть кривоватые строчки: «Вовеки радость красоту дарует» – Барнард Пикок, двенадцать лет.

Но я тут же забыл обо всем: из-за эстрады появились две пары – Хелен с Ричардом Эдмундсоном и ее отец, мистер Олдерсон, увлеченный беседой с отцом Ричарда. Молодой человек шел совсем рядом с Хелен, болтая, смеясь, а его светлые волосы, сияя помадой, похотливо наклонялись к ее темным кудрям.

В небе по-прежнему не было ни облачка, но солнечный свет вдруг затмился. Я быстро отвернулся и отправился на розыски Тристана.

Я его обнаружил, поспешно заглянув в шатер с вывеской «Напитки» над входом. Тристан, опираясь локтем на стойку, сооруженную из козел и досок, вел задушевный разговор с компанией работников в кепках. В одной руке у него была сигарета, в другой – пинтовая кружка. Атмосфера здесь царила самая непринужденная и дружеская. Для более церемонных возлияний предназначался президентский бар позади административного шатра – там пили розовый джин и херес, а здесь улагодворялись пивом, бочковым и бутылочным, а дородные девицы за стойками разливали его с яростной сосредоточенностью тех, кому предстоит нелегкий день.

– Да, я ее видел, – сказал Тристан, когда выслушал меня. – Собственно говоря, вон они, – добавил он, кивая на семейную группу, как раз проходившую перед палаткой. – Я уже давно на них поглядываю, Джим. Мне отсюда все видно.

– Ну что же, – сказал я, беря полупинтовую кружку портера, которую он мне протягивал. – Умилительная картина. Папаши, которых водой не разлить, а Хелен прямо-таки цепляется за руку этого типа.

Тристан поглядел поверх кружки на луг и покачал головой:

– Вот тут ты ошибаешься: это он вцепился в ее руку! – Тристан многозначительно покопился на меня. – Тут есть разница!

– Только мне от этого не легче, – буркнул я.

– Да не вешай ты носа! – Он сделал неторопливый глоток, понизивший уровень пива в его кружке на шесть дюймов. – Что, по-твоему, должна делать хорошенькая девушка? Сидеть дома и ждать, когда ты соблаговолишь ее навестить? Если ты каждый вечер стучался в их дверь, то мне ты об этом не рассказывал.

– Тебе хорошо говорить! По-моему, старик Олдерсон на меня собак натравит, если я туда сунусь. Ему не нравится, что я ухаживаю за Хелен, и у меня такое чувство, что он убежден, будто я прикончил его любимую корову, когда в последний раз был у них.

– А ты ее убил?

– Да нет же! Но я осмотрел живую корову, сделал ей инъекцию, и она тут же сдохла. Так что винить его я не могу.

Я отхлебнул пива, провожая взглядом дружную компанию, которая теперь удалялась от нашего убежища. На Хелен было светло-голубое платье, и я думал, как этот цвет идет к ее темно-каштановым волосам и как мне нравится ее свободная, легкая походка, но тут над лугом загремел громкоговоритель:

– Мистер Хэрриот, ветеринарный врач, будьте добры срочно явиться в административный отдел.

Я вздрогнул от неожиданности, но тут же преисполнился гордости: впервые моя фамилия и профессия были названы по радио!

Торопливо шагая по траве, скашивая взгляд на официальный значок у меня на лацкане, золотыми буквами провозглашавший: «Ветеринарный врач», я ощущал себя очень важной персоной. Один из устроителей встретил меня на полпути.

– Что-то с коровой. Несчастный случай, по-моему. – Он указал на открытые стойла на краю луга.

Толпа любопытных уже собралась возле моей пациентки, проходившей по классу стельных коров. Ее владелец – незнакомый фермер, видимо из дальних окрестностей Дарроуби, – сказал мрачно:

– Споткнулась, спускаясь с фургона, и стукнулась головой о стену. Ну и сломала рог.

На молоденькую коровку красивой шоколадной масти было жалко смотреть. Ее вымыли, причесали, подзавили, попудрили – и на тебе! Рог болтается возле уха, а из раны тремя струйками бьет фонтанчик алой артериальной крови.

Сломанный рог висел на лоскутке кожи, которую я тут же перерезал ножницами. Фермер ухватил корову за морду, а я попробовал нащупать щипцами разорванные кровеносные сосуды. В ярком солнечном свете струйки крови, как ни странно, были почти невидимы, но стоило корове дернуть головой – и я ощущал теплые капли на своей физиономии и слышал, как они шлепаются на мой воротник.

Нащупать сосуды мне никак не удавалось, я начал отчаиваться, и вот тут-то вдруг увидел в толпе зрителей Хелен и ее спутника. Эдмундсон следил за моими тщетными потугами с мягкой усмешкой, но Хелен, встретив мой взгляд, ободряюще улыбнулась. Я постарался улыбнуться в ответ, но, боюсь, разглядеть эту улыбку сквозь кровавую маску на моем лице было трудно.

Корова дернула головой с еще большей энергией и выбила у меня щипцы. Тут я сделал то, с чего следовало бы начать, – наложил на рану ватный тампон с антисептическим порошком и повязку восьмеркой, закрепив ее на уцелевшем роге.

– Ну вот, – сказал я фермеру, смигивая кровью с глаза. – Кровотечение остановлено. Я бы порекомендовал вам обезрожить ее, как только будет можно, иначе вид у нее будет неприглядный.

В эту секунду из толпы зрителей выделился Тристан.

– Как это ты оторвался от пива? – осведомился я саркастически.

– Пора обедать, старина, – весело ответил Тристан. – Но прежде тебя надо привести в пристойный вид, иначе я не смогу показаться с тобой на людях. Подожди тут. Я принесу ведро воды.

Обед оказался превосходным, и я заметно приободрился. Хотя накрыт он был в шатре, жены устроителей приготовили незабываемые закуски: свежая лососина, домашняя ветчина, холодный ростбиф со всевозможными салатами, и яблочные пироги, и кувшины со сливками, какие можно увидеть только на сельских праздниках. Одна из дам славилась своими сырами, и мы завершили трапезу кофе с восхитительным козьим сыром. Напитки тоже не оставляли желать лучшего – у каждого прибора стояли бутылка светлого эля и стакан.

В обществе Тристана мне, правда, было отказано – он предусмотрительно занял позицию за столом между двумя рьяными поборниками трезвости, утроив таким образом свою порцию пива.

Не успел я снова выйти на солнечный свет, как меня тронули за плечо.

– Судья просит вас осмотреть собаку, которая выглядит больной, – сказал какой-то человек и повел меня к машине, где тощий субъект лет сорока с темной щеточкой усов на верхней губе держал на поводке жесткошерстного фокстерьера. Меня он встретил вкрадчивой улыбкой и категорически заявил:

– Моя собака абсолютно здорова. Какие-то бессмысленные придирки!

Я поглядел на фокстерьера:

– Но у него гной в уголках глаз.

Хозяин песика замотал головой:

– Это не гной! Я его припудрил тальком, ну и засорил ему глаза.

– Хм! Все-таки смерим ему температуру.

Песик даже не дернулся, когда я ввел термометр. Я взглянул на шкалу, и у меня брови полезли на лоб.

– Без малого сорок! Боюсь, на выставку его допустить нельзя.

– Погодите минутку! – Хозяин выставил подбородок. – Вы не лучше этого так называемого судьи. Я привез мою собаку издалека, и я ее выставлю.

– Извините, но с температурой сорок это невозможно!

– Так его же в машине растрясло! Вот она и подскочила.

Я покачал головой:

– Но не так же высоко! Да и вид у него совсем больной. Видите, как он щурит глаза, точно их раздражает свет? Не исключено, что у него чума.

– Что? Чушь! И вы это прекрасно знаете. Он никогда еще не был в такой прекрасной форме! – У него даже губы дрожали от гнева.

Я еще раз посмотрел на песика. Он тоскливо припал к траве. Иногда по его телу пробегала дрожь, свет ему был явно неприятен, а в уголках глаз виднелись два кремовых комочка гноя.

– Вы сделали ему противочумную прививку?

– Ну нет. А почему вы вообще про это спрашиваете?

– Потому что, по-моему, у него начинается чума, и ради него и других собак вы должны немедленно отвезти его домой и показать вашему ветеринару.

Он смерил меня свирепым взглядом:

– Так вы решили не допускать его на выставку?

– Совершенно верно. Я очень сожалею, но об этом не может быть и речи! – Я повернулся и ушел.

– Мистер Хэрриот, будьте добры, приступите к измерению пони!

Я забрал свою линейку и затрусил в дальний конец луга, где были собраны пони – уэльской, йоркширской, эксмурской, дартмурской и еще всяких пород.

Тем, кто не знает, поясню: лошадей измеряют в ладонях (ладонь – четыре дюйма) с помощью особой линейки, снабженной переключателем со спиртовым уровнем, которая укладывается на холку – наиболее высокую точку между плечами. Измерять лошадей мне доводилось довольно часто, но на выставке я этого еще никогда не делал. Держа линейку наготове, я встал рядом с двумя широкими досками, которые были уложены на траву, чтобы как-то выровнять поверхность.

Улыбающаяся молодая женщина подвела первого пони, красавца гнедого.

– Класс? – спросил я.

– Тринадцать ладоней.

Я приложил линейку. Он был заметно ниже.

– Прекрасно. Следующий!

Я измерил еще нескольких без каких-либо недоразумений, затем наступил небольшой перерыв, пока вели следующую группу. Пони все еще подвозили в фургонах, а ко мне их подвозили либо юные наездники, либо кто-нибудь из родителей. Судя по всему, процедура обещала быть долгой.

В перерыве стоявший рядом со мной низенький человечек спросил:

– Пока все гладко, а?

– Да, никаких недоразумений, – ответил я.

Он безразлично кивнул, а я подумал, что он похож на загорелого гнома: тщедушное тельце, смуглое обветренное лицо, вздернутые плечи. И в то же время в нем чувствовался лошадажник.

– Погодите, еще наругаетесь, – буркнул он. – Тут такие есть, пальца им в рот не клади. И все одно говорят: дескать, их пони другой ветеринар на другой выставке сразу пропустил! – Он сморщил темные щеки в злоехидной усмешке.

– Неужели?

– Погодите чуток.

Красивая блондинка вывела на доски очередного кандидата. Она обожгла меня взглядом зеленых глаз и сверкнула двумя рядами белейших зубов.

– Двенадцать и два, – прожурчала она обольстительно.

Я приложил линейку к холке, покрутил ее и так и эдак, но получить эту цифру мне не удалось.

– Боюсь, он высоковат, – сказал я.

Жемчужная улыбка погасла.

– А полдюйма на подковы вы учли?

– Разумеется, но вы сами можете убедиться, насколько он выше.

– Вот в Хикли ветеринар его сразу пропустил, без всяких разговоров! – огрызнулась она, а я краем глаза заметил, как гном многозначительно кивнул.

– Боюсь, тут я ничем помочь не могу, – ответил я. – Вам придется выставить его в следующем классе.

Два зеленых камушка со дна арктического моря несколько секунд обдавали меня ледяным холодом, затем блондинка удалилась, ведя за собой пони.

Потом джентльмен с жестким лицом вывел на доски миниатюрную светло-гнедую лошадку, чье поведение, должен признаться, поставило меня в тупик. Она падала на колени, едва линейка касалась холки, и я никак не мог получить точную цифру. В конце концов я сдался и пропустил ее.

Гном кашлянул:

– Я его знаю!

– Да?

– Ага. Он столько раз колол ей булавкой холку, что она приседает, чуть ее тронешь!

– Не может быть!

– Еще как может!

Я был ошеломлен, но очередные измерения отвлекли меня.

Последнего в этой группе – симпатичного серого – привел энергичный мужчина, сияя широченной дружеской улыбкой.

– Как поживаешь? – осведомился он любезно. – А в нем тринадцать два.

Перекладина даже не коснулась холки, но, когда пони затрусил прочь, гном изрек:

– Я и этого знаю.

– Правда?

– О-го-го! Придавливает своих пони перед тем, как им измерение проходить. Этот серый последний час стоял с мешком ржи на спине весом чуть не в центнер. И на дюйм укоротился.

– Господи! А вы уверены?

– Будьте спокойны, я своими глазами видел.

В мыслях у меня воцарилось некоторое смятение. Он все это сочиняет? Или правда это невинное состязание приводит в действие столь темные силы?

– Этот же самый, – продолжал гном, – бывало, заставлял сбросить полдюйма на подковы, а пони-то и не подкован вовсе.

Ах, да замолчал бы он! Но тут его перебили: ко мне бочком подобрался мужчина с усами и конфиденциально зашептал мне на ухо:

– Я вот что думаю. Моя собака уже отдохнула, и температура у нее наверняка нормальная. Так вы посмотрите ее еще раз. Я как раз успею.

Я устало обернулся к нему:

– Право же, это напрасная трата времени. Собака больна, я вам уже сказал.

– Ну пожалуйста! Как одолжение! – Вид у него был отчаянный, в глазах горел фанатичный огонь.

– Ну хорошо! – Я пошел с ним к его машине и поставил термометр. Температура по-прежнему была сорок.

– Да отвезите же беднягу домой! – сказал я. – Ему нельзя быть тут.

Мне показалось, что мужчина с усами вот-вот меня ударит.

– Она здорова! – прохрипел он, гримасничая от избытка чувств.

– Мне очень жаль, – сказал я и вернулся к пони.

Меня ждал мальчик лет пятнадцати. Его пони был записан в класс тринадцать два, но оказался выше почти на полтора дюйма.

– Боюсь, он слишком высок, – сказал я. – Не для этого класса.

Мальчик не ответил, а вытащил из внутреннего кармана куртки какой-то листок.

– Вот ветеринарное свидетельство, что он чуть ниже тринадцати двух.

– Боюсь, оно недействительно, – ответил я. – Устроители предупредили, чтобы я не принимал свидетельства. Я уже не допустил двух. Решает только эта линейка. Что поделаться!

Мальчик сразу стал другим.

– Но вы обязаны его пропустить! – закричал он мне прямо в лицо. – Никаких линейек, если есть свидетельство!

– Поговорите с устроителями. Я руководствуюсь их инструкциями.

– Я с отцом поговорю, вот что! – крикнул он и увел пони.

Отец не замешкался. Крупный, дородный. Явно преуспевающий, самоуверенный. Он не собирался терпеть мои глупости.

– Послушайте, я чего-то не понял, но вы тут вообще в стороне. Вы обязаны принять свидетельство.

– Вовсе нет, уверяю вас, – ответил я. – И к тому же ваш пони ведь выше верхнего предела не чуть-чуть, а на очень много. На глаз видно.

Отец стал багровым.

– Позвольте вам сказать, что его пропустил ветеринар в...

– Знаю-знаю, – перебил я и услышал, как гном фыркнул. – Но здесь его не пропустят.

Наступила недолгая пауза, а затем отец с сыном начали на меня кричать. Под град их ругани меня кто-то дернул за рукав. Мужчина с усиками!

– Я хочу еще раз попросить, чтобы вы померили температуру моей собаке, – прошептал он с жутковатой гримасой, означавшей улыбку. – Я убежден, что у него все прошло. Так пожалуйста!

И тут я не выдержал.

– И не подумаю, черт побери! – рявкнул я. – Будьте так добры, оставьте меня в покое и отвезите бедного пса домой!

Удивительно, какие странные побуждения руководят людьми. Казалось бы, участие собаки в выставке никак не может быть вопросом жизни или смерти. Но для мужчины с усиками вопрос, по-видимому, стоял именно так. Он буквально накинудся на меня:

– Вы своего дела не знаете, вот что! Я издалека приехал, а вы со мной такую грязную шутку сыграли! У меня друг ветеринар, настоящий ветеринар, так я ему про вас расскажу. Да-да! Все расскажу!

Говорилось это под неутраченные вопли отца и сына, поносивших меня последними словами, и я внезапно обнаружил, что окружен врагами. Тут были и блондинка, и владельцы других пони, которых я забраковал. Все они смотрели на меня угрожающе и сердито жестикулировали.

А я остался в полном одиночестве – гном, в котором я чувствовал союзника, бесследно исчез. Нет, в гноме я разочаровался: краснобай, улепетнувший, чуть повеяло опасностью. Глядя на разъяренную толпу, я выставил перед собой линейку. Оружие не ахти какое, но все-таки лучше, чем ничего, если бы они набросились на меня.

И вот, когда нелестные отзывы обо мне достигли апогея, я увидел Хелен и Ричарда Эдмундсона, которые с интересом их слушали. Он-то пусть, но почему, почему я обязательно попадал в дурацкое положение, когда неподалеку оказывалась Хелен?!

Во всяком случае, измерения я закончил и, ощущая настоятельную потребность подкрепиться, ретировался и пошел искать Тристана.

Впечатления от Дарроубийской выставки врезались мне в память и навсегда внушили глубокое уважение и сочувствие к ветеринарам, на чью долю выпадает неблагодарная задача участвовать в проведении подобных мероприятий. Люди просто не желают смириться с тем, что их животные могут быть не допущены. Разумеется, с тех пор я много раз работал на выставках без каких-либо недоразумений, и порой мне кажется, что причиной такого взрыва негодования были моя молодость и неопытность. В рассказе я про это не упомянул, но в тот день события приняли такой скверный оборот, что я с восторгом уставился на полицейского, который появился на лугу. Я уже серьезно думал, что мне, возможно, понадобится его защита.

Знаменательные роды

В «Гуртовщиках» устраивался «Нарциссовый бал», и все мы были при параде. Ведь предстояли не обычные танцы, на которых деревенские парни отплясывали в рабочих сапогах под скрипочку и пианино, а настоящий бал с прославленным местным оркестром (Пенни Баттерфилд и его «Бравые ребята»).

Я наблюдал, как Тристан наполняет рюмки.

– Приятная компания, Джим, – заметил он. – Мальчиков, правда, чуть побольше, чем девочек, но беда невелика.

Я смерил его холодным взглядом, ибо прекрасно уловил подоплеку: преобладание мужского элемента избавляло Тристана от необходимости танцевать до упаду. Предпочитая не транжирить энергию попусту, он танцами не увлекался. Конечно, почему бы и не покружиться с девушкой по залу раз-другой, но куда приятнее остальное время проводить в буфете.

Впрочем, того же мнения придерживались и многие другие обитатели Дарроуби: когда мы вошли под гостеприимный кров «Гуртовщиков», буфет был набит битком, а в зале лишь несколько наиболее смелых пар напоминали о том, что мы явились на бал. Однако время шло, к ним присоединялись все новые, и к десяти часам в зале уже яблоку упасть было негде.

Я же вскоре понял, что проведу время отлично. Компания Тристана оказалась очень приятной – симпатичные мальчики, привлекательные девочки. Жизнерадостная их беззаботность была неотразимой.

Общему веселью немало содействовали музыканты прославленного оркестра Баттерфилда в коротких красных куртках. Самому Пенни на вид было лет пятьдесят пять, да и все четверо его бравых ребят уже давно распростились с молодостью, но свою седину они искупали неугасимым задором. Впрочем, волосы Пенни седыми не были – краска помогала ему оставаться жгучим брюнетом, – и он колотил по клавишам рояля с сокрушающей энергией, озаряя общество солнечными взглядами сквозь очки в роговой оправе, а иногда выкрикивал припев в микрофон у себя под боком, объявляя танцы, и отпускал шуточки зычным голосом. Нет, полученные деньги он отработывал честно.

Наша компания на парочки не разбивалась, и я танцевал со всеми девушками по очереди. В разгар бала я проталкивался по залу с Дафной, чья фигура была словно нарочно создана для такой тесноты. Поклонником тощих женщин я никогда не был, но, пожалуй, природа, создавая Дафну, несколько увлеклась в противоположном направлении. Нет, толстой она вовсе не была, а просто отличалась некоторой пышностью сложения.

Сталкиваясь в давке с соседними парами, столь же увлеченно работающими локтями, восхитительно отлетая от упругих форм моей дамы, вместе со всеми подпевая бравым ребятам, которые в бешеном ритме колошматили по своим инструментам, я чувствовал себя на седьмом небе. И тут я увидел Хелен.

Танцевала она, разумеется, с Ричардом Эдмундсоном, и шапка его золотых кудрей плыла над окружающими головами как символ Рока. С магической быстротой мое радужное настроение угасло, оставив в душе холодную, тягостную пустоту.

Когда музыка смолкла, я отвел Дафну к ее друзьям, а сам отправился на поиски Тристана. Небольшой уютный буфет отнюдь не опустел, и там вполне можно было бы изжариться. В густом табачном дыму я с трудом различил Тристана – он восседал на высоком табурете в окружении обильно потеющих участников веселья, но сам, казалось, ничуть от жары не страдал и, как всегда, излучал глубочайшее удовлетворение. Он допил кружку, причмокнул, будто пива лучше в жизни не пробовал, перегнулся через стойку, дружески кивая, чтобы ему налили еще, и тут заметил, что к нему протискиваюсь я.

Едва я оказался в пределах досягаемости, он ласково положил мне на плечо руку:

– А, Джим! Рад тебя видеть. Чудесный бал, ты согласен?

Я воздержался и не указал на бесспорный факт, что он еще ни разу в зале не появлялся, – а только самым небрежным тоном упомянул, что вот и Хелен здесь.

Тристан благостно кивнул:

– Да, я видел. Так почему же ты с ней не танцуешь?

– Не могу. Она тут с Эдмундсоном.

– Вовсе нет, – возразил Тристан, критическим взором оглядывая новую кружку и делая предварительный глоток. – Она приехала с большой компанией, как и мы.

– А ты откуда знаешь?

– Видел, как мальчики вешали пальто вон там, пока девочки поднялись раздеться наверх. Значит, можешь ее пригласить, ничьего разрешения не испрашивая.

– А-а! – Я немного помялся, а потом решительно вернулся в зал.

Но все оказалось не так просто. У меня был долг перед девушками нашей компании, а когда их всех успевали пригласить другие и я направлялся к Хелен, ею тут же завладевал кто-нибудь из ее друзей. Иногда мне казалось, что она ищет меня взглядом, но уверен я не был, а знал только, что никакой радости от бала больше не получаю, что волшебство и веселость исчезли бесследно. С горечью я предвидел, что и на этот раз обречен тоскливо смотреть на Хелен – и ничего больше. С той лишь тягостной разницей, что и двумя словами с ней не обменяюсь.

Мне даже стало как-то легче, когда ко мне подошел управляющий и позвал к телефону. Звонила миссис Холл: сука никак не разродится, так не приеду ли я сейчас же? Я взглянул на свои часы – далеко за полночь. Значит, на этом бал для меня кончается.

Секунд пять я постоял, прислушиваясь к чуть приглушенному грохоту музыки, потом медленно натянул пальто и пошел попрощаться с друзьями Тристана. Коротко объяснив, в чем дело, я помахал им, повернулся и толкнул дверь.

За ней в двух шагах передо мной стояла Хелен, чьи пальцы слегка касались дверной ручки. Я не стал размышлять, вышла ли она или только собирается войти, а немо уставился в ее улыбающиеся синие глаза.

– Уже уходите, Джим? – спросила она.

– Да. У меня, к сожалению, вызов.

– Какая досада! Надеюсь, ничего серьезного?

Я открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг ее красота заслонила от меня все. Я чувствовал только, что она совсем рядом. Меня поглотила волна любви и безнадежности. Я отпустил дверь, схватил руку Хелен, точно утопающий, и с изумлением ощутил, что ее пальцы крепко сплелись с моими.

Оркестр, шум голосов, люди – все куда-то исчезло, и остались только мы двое в дверном проеме.

– Поедем со мной, – сказал я.

Глаза Хелен стали огромными, и она улыбнулась мне такой знакомой улыбкой.

– Я только сбегаю за пальто, – шепнула она.

«Нет, это мне грезится», – думал я, стоя на ковровой дорожке в коридоре и глядя, как Хелен быстро поднимается по лестнице. Но тут же убедился, что я все-таки не сплю: она появилась на верхней площадке, торопливо застегивая пальто. Моя машина, терпеливо дожидавшаяся на булыжнике рыночной площади, видимо, тоже была застигнута врасплох – во всяком случае, мотор взревел при первом нажатии на стартер.

Мне надо было заехать домой за необходимыми инструментами. И вот мы вышли из машины в конце безмолвной, купающейся в лунных лучах улицы, и я отпер большую белую дверь Скелдейл-хауса.

Едва мы очутились внутри, как с полной уверенностью, что иначе нельзя, я обнял Хелен и поцеловал – благодарно и не спеша. Столько времени я мечтал об этом! Минуты текли незаметно, а мы всё стояли там – наши ноги попирали пол из черно-красных плиток XVIII века, головы почти упирались в раму огромной картины «Смерть Нельсона», которая господствовала в прихожей.

Второй раз мы поцеловались у первого изгиба коридора под не менее большой «Встречей Веллингтона и Блюхера при Ватерлоо». Затем мы поцеловались у второго изгиба под сенью высокого шкафа, в котором Зигфрид хранил свои костюмы и сапоги для верховой езды. Мы целовались в аптеке в промежутках между моими сборами, а затем в саду, убедившись, что среди залитых лунным светом весенних цветов, в волнах благоухания влажной земли и травы целоваться лучше всего.

Никогда еще я не ехал на вызов так медленно – со скоростью десять миль в час, не более. Ведь на плече у меня лежала голова Хелен, а в открытое окно лились все ароматы весны. Словно в разгар урагана, я очутился в красивейшей безопасной гавани. Словно я вернулся домой.

В спящей деревне светилося только одно окно, и, едва я постучал, Берт Чапман сразу распахнул дверь. Он был дорожным рабочим, то есть принадлежал к племени, с которым я ощущал себя в кровном родстве.

Сроднили нас дороги – как и я, дорожные рабочие проводили значительную часть жизни на пустынных путях в окрестностях Дарроуби: чинили асфальт, летом выкашивали траву по обочинам, зимой расчищали их от снега и посыпали песком. А когда я проезжал мимо, они весело мне улыбались и махали, словно мое мимолетное появление украшало их день. Не знаю, отбирал ли их муниципальный совет за добродушие, но я, право, не встречал других таких приятных и веселых людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.